

ТУЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

8—15 марта.

№ 10—11.

1909 года.

Подписная цѣна

въ годъ съ доставкой и пересыл-
кой—5 рублей. Выходятъ Епарх.
Вѣдом. 4 раза въ мѣсяцъ.

Подписка принимается

у редактора неофициальн. части
Епархіальн. Вѣдомост. (Тульская
Духовная Семинарія).

ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ.

Объ изданіи Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей въ 1909 г.

(Къ свѣдѣнію духовенства епархіи).

Святѣйшій Синодъ, выслушавъ представленіе Тульского Епархіальнаго начальства, отъ 14 октября 1908 года № 7419, съ ходатайствомъ о разрѣшеніи издавать при Тульской Духовной Семинаріи духовную газету „Тульскія Вѣдомости“ съ двухнедѣльными приложеніями подъ названіемъ „Приложенія къ Тульскимъ Вѣдомостямъ“ по представленной программѣ, вмѣсто „Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, и о назначеніи на должность редактора поименованнаго новаго органа Ректора Тульской Духовной Семинаріи Архимандрита Алексія, и принявъ во вниманіе: 1) что преобразование издаваемыхъ въ г. Тулѣ съ 1862 года „Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ въ газету съ наименованіемъ „Тульскія Вѣдомости“, лишитъ это изданіе значенія официального органа епархіи; 2) что Тульское духовенство, буде желаетъ издавать свой органъ, частнаго характера, можетъ, по полученіи надлежащаго разрѣшенія приступить къ выпуску его независимо отъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ и 3) что назначен-

ная за указанное изданіе подписная плата по 3 рублей въ годъ, какъ весьма значительная, можетъ оказаться для многихъ церквей обременительной, опредѣлил: 1) оставить изданіе „Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ на прежнемъ основаніи и по прежней программѣ и 2) редакторомъ неофициальной части ихъ назначить ректора Тульской Духовной Семинаріи Архимандрита *Алексія*, а официальной—секретаря Тульской Духовной Консistorіи *И. О. Савича*.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

А.

О предотвращеніи несчастныхъ случаевъ при тревогахъ въ церквахъ за богослуженіемъ.

Въ видахъ предотвращенія несчастныхъ случаевъ могущихъ быть съ молящимися въ церквахъ при различныхъ тревогахъ, опредѣленіемъ Епархіальнаго начальства, отъ 28 февраля—2-го марта сего года, постановлено: 1) предписать настоятелямъ церквей и начальствамъ монастырей къ неуклонному исполненію, чтобы во время богослуженій, при большомъ стеченіи молящихся, всѣ церковныя двери были отперты, а отнюдь не оставались на замкахъ и даже прикрытыми наружными закрытыми дверями, какъ это нынѣ дѣлается, и 2) чтобы, согласно указу Святѣйшаго Синода, отъ 28 іюля 1864 г. № 1504, церковныя двери отворялись не внутрь церквей, а наружу, гдѣ же двери отворяются внутрь, то таковыя должны быть незамедлительно передѣланы, за чѣмъ предписать о. о. Благочиннымъ епархіи и о. Благочинному монастырей наблюсти и при первомъ посѣщеніи церквей освѣдомиться объ исполненіи сказаннаго и о тѣхъ церквахъ и монастыряхъ, гдѣ двери не будутъ передѣланы, донести Консistorіи.

Б.

Перемѣны по службѣ.

Рукоположенъ: діаконъ Димитріевской-Кладбищенской города Тулы церкви *Николай Кудрявцевъ* во священники къ церкви села Новаго, Тульского уѣзда—22 февраля сего года.

Перемѣщенъ: священникъ с. Красина-Телешова, Каширскаго уѣзда, *Алексѣй Мерцаловъ* въ Холмскую епархію—15 февраля с. г.

Опредѣленъ: заштатный псаломщикъ-діаконъ села Троицкаго-Медвѣдокъ Ефремовскаго уѣзда, *Димитрій Богословскій*—во діакона къ церкви того же села—25 февраля с. г.

Допущены къ исправленію псаломщической должности къ церквамъ: села Прудовъ, Новосильскаго у. крестьянинъ *Иванъ Леоставъ*—10 января с. г., села Карамышева, Крапивенскаго у. крестьянинъ *Никита Демьяновъ*—25 февраля с. г. и села Прони, Епифанскаго уѣзда, крестьянинъ *Петръ Кузинъ*—2 марта с. г.

Опредѣлены въ число пріказныхъ послушницъ Успенско-Иверскаго монастыря, Веневскаго уѣзда крестьянки: *Варвара Коваленкова, Матрена Маликова, Марія Корпачева, Евдокія Раева, Наталія Гольшина, Ѳекла Чибизова, Параскева Калянова, Анна и Параскева Чикова, Александра Лепехина, Марѳа Глинская, Марія Юрищева и Елена Плотникова*—28 февраля с. г.

Уволены отъ должности: и. об. псаломщика села Прони, Епифанскаго у. *Ѳеодоръ Сидоровъ*—23 февраля с. г., и. д. псаломщика села Новаго-Никольскаго по Роскѣ, Чернскаго уѣзда *Илья Доброхотовъ* за нетрезвость—24 февраля с. г., и. д. псаломщика села Языкова, Чернскаго уѣзда *Палладій Пашиковский* за неспособность—27 февраля с. г., и низведенный на причетническое мѣсто къ церкви села Покровскаго, Алексинскаго у. запрещенный священникъ *Гавріилъ Леонардовъ*—24 февраля с. г.

Снять санъ, съ разрѣшенія Св. Синода, съ священника села Лужень, Чернскаго у. *Михаила Рождественскаго*, согласно прошенію,—24 февраля с. г.

Уволенъ за штатъ священникъ с. Иванскаго, Одоевскаго у. *Василій Смирновъ*—2 марта сего года.

Исключены изъ списковъ за смертію: священникъ *Петро-Павловской* г. Тулы церкви, *Василій Архангельскій*—24 февраля и псаломщикъ с. Новозаголичнаго, Ефремовскаго уѣзда *Василій Глаголевъ*—19 февраля сего года.

В.

Утвержденіе церковныхъ старостъ.

Утверждены церковными старостами: по городу Тулѣ Всесвятской-Кладбищенской церкви Тульскій мѣщанинъ *Констан-*

тинъ Головинъ; по Тульскому уѣзду—с. Сукромны крестьянинъ Лука Юликовъ, Татева крестьянинъ Григорій Воробьевъ, с. Бѣломутова крестьянинъ Иванъ Кузнецовъ; по Веневскому уѣзду—с. Толстыхъ крестьянинъ Николай Марковъ, с. Колемина крестьянинъ Александръ Божевольновъ, по Богородицкому у.—Архангельской церкви с. Дѣдилова крестьянинъ Андроникъ Самаринъ, с. Новоселебнаго крестьянинъ Иванъ Жуковъ; по Каширскому уѣзду—с. Свиного крестьянинъ Стефанъ Арефьевъ, села Заглухина мѣщанинъ Николай Григорьевъ; по Крапивенскому уѣзду—села Ржавы дворянинъ Владиміръ Балашевъ, с. Димитріевского, Сороченки тожь, крестьянинъ Василій Касатиковъ; по Одоевскому уѣзду—с. Ильинскаго-Кононовскаго крестьянинъ Порфирій Корнеевъ, с. Никольскаго на Крюку крестьянинъ Евсимій Гримовъ, с. Старчикова мѣщанинъ Галактионъ Борисовъ; по Чернскому уѣзду—с. Никольскаго на Филиной Зушицѣ крестьянинъ Авансій Сизановъ, с. Ольховца крестьянинъ Сергій Семеновъ.

и Г.
Утвержденіе предсѣдателей церк.-приход. попечительствъ.

Утверждены предсѣдателями церк.-приход. попечительствъ:

1) въ Алексинскомъ уѣздѣ при церкви села Серебряни крестьянинъ Илія Садовниковъ; 2) въ Богородицкомъ уѣздѣ: при церкви с. Истленьева крестьянинъ Иванъ Никитинъ, при церкви села Арсеньева мѣстный священникъ Аполлоній Костомаровъ, при Архангельской церкви села Дѣдилова крестьянинъ Тимофей Воробьевъ; въ Каширскомъ уѣздѣ: при церкви с. Свиного крестьянинъ Тимофей Шлеповъ, при церкви с. Хотавокъ крестьянинъ Алексій Филиповъ; въ Одоевскомъ уѣздѣ: при церкви с. Никольскаго на Крюку землевладѣлецъ Владиміръ Гороховъ, при церкви с. Ильинскаго-Кононовскаго мѣстный священникъ Сергій Лавровъ; въ Чернскомъ уѣздѣ: при соборной г. Черни церкви крестьянинъ Михаилъ Будтолаевъ; при церкви с. Троицкаго на Филиной Зушицѣ крестьянинъ Алексій Сипицынъ, при церкви с. Богоявленскаго на Зарытомъ Верху мѣщанинъ Алексій Чадаевъ и при церкви с. Тургенева крестьянинъ Гавріилъ Крымсинъ.

Письмо редактора журнала „Руководство для сельских пастырей“ о ректора Киевской духовной семинарии архимандрита Амвросія.

(Объ изданіи журнала — „Руководство для сельских пастырей“).

„Въ текущемъ году издающійся при Киевской духовной семинаріи журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ вступилъ въ 50-й годъ посильнаго служенія интересамъ церковно-приходской и пастырской жизни. Въ качествѣ безпечатнаго приложения редакція журнала даетъ въ текущемъ подписномъ году дорогое въ смыслѣ денежной стоимости и цѣнное по значенію для пастырей изданіе „Толковый типиконъ“, объяснительное изложеніе типикона съ обоснованіемъ всѣхъ предписаній церковнаго устава и съ историческими свѣдѣніями о возникновеніи и развитіи богослужебныхъ чиновъ, праздниковъ и памятей святыхъ, составленное доцентомъ Киевской духовной академіи М. Н. Скабаллановичемъ. Настольная книга для священниковъ и псаломщиковъ. Пособіе при изученіи православнаго богослуженія въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Компактное изданіе въ 25 — 30 печатныхъ листовъ (400 — 450 стр.), состоящее изъ введенія, 4-хъ частей и 2-хъ указателей къ содержанію ихъ. Въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить около 3-хъ рублей.

Редакція „Руководства для сельскихъ пастырей“ имѣетъ честь почтительнѣйше просить Ваше Преосвященство оказать благосклонное содѣйствіе распространенію старѣйшаго пастырскаго журнала и его приложенийъ среди духовенства ввѣренной Вамъ епархіи и не отказать въ авторитетной рекомендаціи ему означеннаго журнала для выписки“.

На изложенномъ письмѣ Его Преосвященствомъ 24-го февраля сего года положена таковая резолюція: „Письмо напечатать въ официальномъ отдѣлѣ „Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“. Журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ весьма полезное изданіе. Желательно, чтобы всѣ пастыри могли читать этотъ журналъ“.

ВОЗЗВАНІЕ.

(О сооруженіи памятника композиторамъ Бортнянскому, Турчанинову и Львову).

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Министра внутреннихъ дѣлъ, 24 іюня 1908 года, Высочайше соизволилъ разрѣшить образованному въ С.-Петербургѣ Временному Комитету по увѣковѣченію памяти русскихъ композиторовъ: Бортнянскаго и ближайшихъ преемниковъ Турчанинова и Львова повсемѣстный въ имперіи сборъ пожертвованій посредствомъ публикацій, объявленій, устройства концертовъ и лекцій на предметъ сооруженія въ С.-Петербургѣ общаго памятника композиторамъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, 11-го августа 1908 г., увѣдомляя, циркулярно, за № 30, гг. губернаторовъ для зависящихъ распоряженій о таковомъ Высочайшемъ соизволеніи, присовокупилъ, что Министромъ Финансовъ сдѣлано соответствующее распоряженіе по Казеннымъ Палатамъ о безпрепятственномъ приѣмѣ Казначействами могущихъ поступить на означенный предметъ пожертвованій и о переводѣ по третямъ года въ С.-Петербургскую Контору Государственного Банка, для зачисленія на текущій счетъ означеннаго Временнаго Комитета.

Временный Комитетъ не сомнѣвается въ томъ, что многомилліонная Русь откликнется на призывъ поставить въ С.-Петербургѣ памятникъ означеннымъ композиторамъ, имена которыхъ сохранились нераздѣльно въ представленіи русскаго народа, благодаря ихъ церковнымъ пѣснопѣніямъ, воспитавшимъ въ душѣ нѣсколькихъ поколѣній столько отрадныхъ религіозныхъ чувствъ.

И дѣйствительно, кто не падалъ на колѣни подъ небесныя звуки по истинѣ „Царской“ херувимской № 7 музыки Бортнянскаго? Кто не обнажалъ головы подъ звуки его гимна „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“? Кто не умилялся въ дни поста его пѣснопѣніями „Да исправится молитва моя“, „Нынѣ силы небесныя“ и „Чертогъ Твой“? Кто не радовался подъ пасхальныя напѣвы его „Ангель вопіяши“ и „Свѣтися, свѣтися“? Кого неумияло далѣе пѣніе на панихидѣ, составленное протоіереемъ

Турчаниновымъ, создавшимъ намъ еще трогательную музыку дней страстной седмицы? Кто опять таки чаще другихъ молитвенно настраиваетъ насъ на всенощномъ бдѣніи звуками псалмовъ „Благослови душе моя Господи“ и „Хвалите имя Господне“, какъ не третій композиторъ Львовъ? Онъ далъ намъ и музыку народнаго гимна „Боже Царя храни“! Вотъ почему Временный Комитетъ вѣрить, что русскій православный народъ вспомнить, кто въ душѣ его съ дѣтства заронилъ столько сладкихъ религіозныхъ чувствъ, кто сердце приготовлялъ къ молитвѣ, кто заставлялъ отложить житейское попеченіе, вспомнить то русскій народъ, когда колѣнопреклоненное духовенство и паства будутъ внимать духовнымъ пѣснопѣніямъ Бортнянскаго, Турчанинова и Львова и съ охотою и благодарностью положить свою посильную лепту на доброе начинаніе. Пусть каждый помнитъ, что успѣхъ этого дѣла зависитъ отъ усердія всѣхъ, начиная отъ святѣйшихъ архипастырей, духовенства, старостъ, пѣвчихъ, сановныхъ особъ, кончая каждымъ міряниномъ, посѣщающихъ храмъ Божій!

Временный Комитетъ по Высочайше утвержденному сбору на устройство памятника композиторамъ Бортнянскому, протоіерею Турчанинову и Львову помѣщается въ С.-Петербургѣ, на Бассейной улицѣ, въ домѣ № 43 — 1. По этому адресу (помимо казначействъ) и можно посылать денежные пожертвованія. Отсюда же можно выписывать книжки, посвященныя „Памяти духовныхъ композиторовъ Бортнянскаго, Турчанинова и Львова“, описывающія ихъ жизнь и дѣятельность. Чистый доходъ отъ продажи этихъ книгъ поступить на устройство памятника.

Возьмитесь за дѣло дружно всѣ русскіе люди, члены многомилліонной православной русской церкви.

Воззваніе сіе печатается въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, согласно опредѣленію Епархіальнаго Начальства, отъ 18—24 февраля 1909 г., при чемъ духовенство Тульской епархіи и Тульская паства приглашаются откликнуться посильнымъ пожертвованіемъ на предметъ сооруженія въ г. С.-Петербургѣ общаго памятника означеннымъ композиторамъ, оказавшимъ незабвенные заслуги православному пѣвческому искусству.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Отъ Совѣта Бѣлевскаго Епархіальнаго женскаго Училища.

Постановленіемъ XXVII-го Епархіальнаго съѣзда духовенства Тульской епархіи, утвержденнымъ Его Преосвященствомъ Преосвященнѣйшимъ Нароеніемъ, Епископомъ Тульскимъ и Бѣлевскимъ, вмѣнено въ обязанность Совѣтамъ Епархіальныхъ училищъ: во 1-хъ, строго слѣдить за своевременнымъ представленіемъ *(въ самомъ началѣ каждой трети учебн. года)* родителями ученицъ платы за содержаніе и обученіе ихъ дочерей въ училищѣ; во 2-хъ, въ случаѣ непредставленія своевременно (см. выше) установленнаго третнаго взноса за содержаніе и обученіе воспитанницъ въ училищѣ, извѣщать родителей ученицъ, *за 3 недѣли до истеченія половины учебной трети*, о немедленномъ представленіи платы за содержаніе и обученіе ихъ дочерей, съ предупрежденіемъ, что, въ случаѣ непредставленія платы въ срокъ, дочери ихъ будутъ уволены изъ училища; въ 3-хъ, въ случаѣ непредставленія платы, по истеченіи 3-хъ недѣльного срока со дня извѣщенія Совѣта о представленіи взносовъ, воспитанницъ, невнесшихъ плату увольнять изъ училища и отправлять съ классною дамою въ дома родителей, за счетъ послѣднихъ (родителей ученицъ); и въ 4-хъ, въ случаѣ увольненія изъ училища ученицы по какой-либо причинѣ прежде окончанія учебной трети, плату взимать за всю третъ.

Вслѣдствіе вышеизложеннаго и въ виду того, что за всякія послабленія и отступленія отъ выработанныхъ XXVII Епархіал. съѣздомъ мѣръ ко взысканію своевременной уплаты третныхъ взносовъ за содержаніе и обученіе воспитанницъ въ училищѣ—отвѣчаетъ Совѣтъ училища, Совѣтъ Бѣлевскаго Епарх. женскаго училища симъ покорнѣйше проситъ родителей ученицъ представлять плату за содержаніе дочерей—воспитанницъ училища—въ началѣ каждой трети (по возможности при самомъ доставленіи воспитанницъ въ училище) и не утруждать Совѣтъ излишними напоминаніями, а также и недопускать до приведенія во исполненіе Совѣтомъ училища послѣдней мѣры—увольненія изъ училища воспитанницъ. Родителей же, которые до сего времени не внесли полностью, или даже совсѣмъ еще не внесли, платы за

2-ю треть текущаго учебн. года, Совѣта училища, покорнѣйше просить теперь же, по прочтеніи сего извѣщенія, немедленно внести причитающуюся за 2-ю треть сумму за содержаніе въ училищѣ, такъ какъ Совѣтъ училища будетъ строго слѣдить за исполненіемъ вышеозначеннаго постановленія XXVII-го Епархіальнаго съѣзда духовенства.

ОТЧЕТЪ

о ревизіи Эмеритальной кассы духовенства Тульской епархіи въ 1908 году.

16 и 17 декабря 1908 года, во исполненіе порученія, возложеннаго на меня XXV Тульскимъ Епархіальнымъ съѣздомъ духовенства, мною произведена ревизія Эмеритальной кассы духовенства Тульской епархіи. Съ 13-го декабря 1907 года, — времени послѣдней ревизіи кассы, — всѣ записи поступленій и выдачъ изъ кассы, значущіяся въ ея приходо-расходныхъ книгахъ, были провѣрены и сличены съ благочинническими вѣдомостями, квитанціями, купонами отъ расчетныхъ листовъ и другими документами. Этой повѣркой установлено, что приходо-расходныя книги кассы ведутся правильно и вполнѣ согласно съ дѣйствительными поступленіями и расходами и что архивъ кассы содержится въ томъ же самомъ порядкѣ, какой заведенъ былъ Правленіемъ кассы ранѣе и не разъ уже былъ отмѣченъ съ похвальной стороны въ отчетахъ ревизіонной комиссіи по Эмеритурѣ.

Всего капитала въ кассѣ къ 1-му декабря 1908 года имѣется 360461 р. 2 к. Большая часть этого капитала, именно 310350 р. 90 к., состоитъ въ долгахъ за разными учрежденіями, и эти долги постепенно уплачиваются, за исключеніемъ несостоятельныхъ банковъ Липецкаго, Валуйскаго и Владикавказскаго, за коими кассовыхъ денегъ числится 29014 руб. 85 коп. Наличными въ кассѣ къ 1-му декабря состоитъ 590 руб. 85 коп., билетами 49519 руб. 27 коп., изъ коихъ по поминальной цѣнѣ въ 4% рентъ 19600, въ 5% облигаціяхъ 1-го внутренняго займа 1905 года — 17700 руб., въ 5% облигаціяхъ 2-го внутренняго займа 1905 года — 10600 руб., въ семи 5% съ выигрыш. билетахъ 700 руб. и по книжкѣ за № 10638 Сберегательной кассы

при Бѣлевскомъ Казначействѣ 919 руб. 27 коп. Всѣ билетныя суммы находятся на храненіи въ Бѣлевскомъ Казначействѣ, расписки коего на имя Эмеритальной кассы духовенства Тульской епархіи имѣются на лицо въ Правленіи кассы.

При ревизіи обнаружено несвоевременное полученіе процентовъ съ билетныхъ суммъ кассы въ 1908 году. Такъ, ко времени ревизіи не были отрѣзаны купоны на 1-ое сентября и 1-ое декабря отъ принадлежащей кассѣ 4% Государственной ренты. Отъ 5% облигацій 1-го и 2-го внутренняго займа 1905 года купоны на 1-ое сентября отрѣзаны только 1 декабря 1908 года, съ просрочкою въ три мѣсяца. Отъ выигрышныхъ билетовъ купоны отрѣзаны тоже 1-го декабря, хотя ихъ слѣдовало получить 1-го іюля, 1-го сентября и 1-го ноября.

Въ такомъ отношеніи Правленія кассы къ поступленію и движенію кассовыхъ суммъ нельзя не признать нарушенія дѣйствующихъ правилъ кассы. §§-ми 39 и 45 положенія о кассѣ 1885 года вмѣняется въ обязанность Правленія кассы забота о немедленномъ обращеніи въ государственныя процентныя бумаги всѣхъ свободныхъ отъ расхода суммъ кассы, вновь полученныхъ отъ ея участниковъ чрезъ о. о. благочинныхъ, а равно и процентовъ съ кассовыхъ билетныхъ суммъ тотчасъ же по наступленіи срока ихъ полученія. Имѣя въ виду, что отъ теченія процентовъ на капиталъ кассы главнымъ образомъ зависитъ самый успѣхъ кассовыхъ операцій, нельзя не выразить требованія, чтобы на будущее время не было такихъ упущеній со стороны Правленія кассы.

Согласно § 110 положенія о кассѣ 1885 года, забота о своевременномъ полученіи процентовъ съ билетныхъ кассовыхъ суммъ въ частности лежитъ на Казначей Правленія кассы. А между тѣмъ, по откровенному признанію настоящаго предсѣдателя Правленія кассы священника Димитрія Сахарова, въ несвоевременной отрѣзкѣ купоновъ съ билетныхъ суммъ кассы виноватъ исключительно онъ, такъ какъ доселѣ онъ несетъ въ своемъ лицѣ обязанности Казначея, хотя и состоитъ предсѣдателемъ кассы по выходѣ изъ состава Правленія священника В. О. Введенскаго. Не имѣя никакого права вмѣшиваться въ распредѣленіе между членами Правленія кассы ихъ обязанностей по ея управленію, а въ тоже время не могу не признать вполне благовременными и даже необходимымъ такого распредѣленія. Болѣе равномѣрное,

сравнительно съ тѣмъ, какое выработано положеніемъ о кассѣ 1885 года, распредѣленіе занятій по кассѣ между членами ея Правленія уже потому необходимо, что установлено болѣе равномерное вознагражденіе за ихъ труды сравнительно съ 1885 годомъ. Желательно поэтому, чтобы члены Правленія кассы сами распредѣлили между собою кассовыя дѣла и занятія по своему добровольному желанію, обоюдному согласію и взаимному усмотрѣнію, примѣнительно къ природнымъ свойствамъ каждаго члена и получившемуся уже навыку на дѣлѣ, и о такомъ распредѣленіи своихъ трудовъ по кассѣ поставила въ извѣстность наше Епархіальное духовенство.

Къ 1908 году причтомъ Елизаветинской при вдовьемъ домѣ церкви представленъ непосредственно въ Правленіе кассы 1 коп. взносъ съ метрическихъ записей въ количествѣ тридцати трехъ коп., а между тѣмъ, согласно § 22 положенія о кассѣ 1885 года, означенный причтъ, какъ состоящій при безприходной церкви, долженъ представлять въ замѣнъ 1 коп. взноса ежегодно по 1 руб. 50 коп.

При пересылкѣ въ Правленіе кассы денегъ, собранныхъ съ причтовъ на покрытіе долга по устройству Бѣлевскаго Епархіальнаго женскаго училища, а также 1 коп. взноса въ метрическихъ записей о. о. Благочинные округовъ 2-го Алексинскаго, 3-го Богородицкаго, 1-го и 3-го Веневского, 2-го Епифанскаго, 5-го Ефремовскаго, 4-го Новосильскаго, 2-го Одоевскаго, 4-го Тульского, 1-го и 5-го Чернскаго удерживаютъ изъ этихъ денегъ потребную часть на почтовую пересылку. Имѣя въ виду, что 4 р. взносъ отъ каждаго причта по точному подсчету весь идетъ на покрытіе процентовъ и въ погашеніе долга кассѣ, а также и то обстоятельство, что большинство о. о. благочинныхъ епархіи находятъ возможнымъ и нужнымъ не удерживать за почтовую пересылку сказанныхъ денегъ, нельзя не пожелать на будущее время такого же бережнаго обращенія съ сказанными денежными суммами и со стороны поименованныхъ о. Благочинныхъ. Благодаря этому, помимо экономіи въ кассовыхъ средствахъ, значительно сократится дѣлопроизводство по кассѣ и ея ревизіи.

Членъ ревизіонной комиссіи, 3-го Крапивенскаго округа села Частыхъ-Колодезей священникъ Михаилъ Звѣревъ.

Вакантныя мѣста.

а) Священническія при церквахъ:

1) При церкви с. Ямской Слободы, Новосильскаго уѣзда, съ 18 сентября. Земли церковной 66 дес. и усадебной 3 десят. Прихожанъ м. п. 1272. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику.

2) При Покровской, г. Тулы, церкви съ 29 сентября сего года. Земли церковной 26 дес. 430 кв. с. Прихожанъ м. п. 425. Причта положено быть: 2 священникамъ, діакону и 2 псаломщикамъ. Причтъ получаетъ $\frac{0}{100}$ съ капитала въ 15383 р. 38 к.

3) Села Дупень, Чернскаго уѣзда, съ 9 октябрия сего года. Земли церковной 75 дес. 787 кв. саж. Прихожанъ м. п. 1858. Причта положено быть: 2 священникамъ и 2 псаломщикамъ.

4) С. Синдѣева, Чернскаго уѣзда съ 29 сентябрия 1908 г. Земли церков. 41 дес. Прихожанъ м. п. 1494. Причта положено быть: 2 священникамъ и 2 псаломщикамъ. Причтъ получаетъ $\frac{0}{100}$ съ капитала въ 500 рублей.

5) Села Карачева, Одоевского уѣзда, съ 30 ноябрия. Земли церковной 46 дес. Прихожанъ м. п. 599. Причта положено быть: священнику и псаломщику. Причтъ получаетъ казенное жалованье въ размѣръ 400 руб. и $\frac{0}{100}$ съ капитала въ 200 руб.

6) С. Япдовки, Ефремовскаго уѣзда съ 16 февраля с. г. Земли ц. 36 дес. Прихожанъ м. п. 1927. Причта положено быть: 2 священникамъ и 2 псаломщикамъ. Причтъ получаетъ $\frac{0}{100}$ съ капитала 512 р.

7) Села Телешова-Красина, Каширскаго уѣзда, съ 15 февраля сего года. Земли ц. 36 дес. Прихожанъ м. п. 438. Причта положено быть: священнику и псаломщику. Причтъ получаетъ казенное жалованіе въ размѣръ 392 руб. въ годъ.

8) Петро-Павловской г. Тулы церкви, съ 24 февраля сего года. Земли ц. 632 кв. саж. Причта положено быть: 2 священникамъ, діакону и 2 псаломщикамъ. Причтъ получаетъ $\frac{0}{100}$ -ты съ 21724 руб.

9) Села Успенскаго-Лужень, Чернскаго уѣзда, съ 2 марта сего года. Земли ц. 37 дес. Прихожанъ м. п. 943. Причта

положено быть: священнику, діакону и псаломщику. Причтъ получаетъ казеннаго жалованія въ размѣрѣ 550 р. и $\frac{1}{2}\%$ съ 1050 р.

10) Села Ивановскаго, Одоевскаго уѣзда, съ 2 марта с. г. Земли ц. 37 дес. Прихожанъ м. п. 1178. Причта положено быть: священнику и псаломщику. Причтъ получаетъ $\frac{1}{2}\%$ съ 2000 руб.

6) Діаконскія при церквяхъ:

1) С. Воротынцева, Новосильскаго уѣзда, съ 16 августа. Земли ц. 36 дес. Прихожанъ м. п. 1127. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику.

2) Села Узунова, Веневскаго у., съ 31 августа сего года. Земли церковной 65 дес. Прихожанъ м. п. 768. Причтъ положено быть: священнику, діакону и псаломщику. Причтъ получаетъ казеннаго жалованія 539 руб. и $\frac{1}{10}\%$ въ 324 руб. 20 коп.

3) Села Миротинъ, Алексинскаго у., съ 13 октября 1908 г. Земли церковной 68 д. 487 кв. с. Прихожанъ м. п. 969. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику. Причтъ получаетъ $\frac{1}{2}\%$ съ капитала въ 4365 р. 85 коп.

4) С. Спасскаго-Доробина, Богородицкаго уѣзда, съ 7 ноября 1908 г. Земли цер. 60 дес. Прихожанъ м. п. 748. Причта положено быть: священнику, діакону, и псаломщику. Причтъ получаетъ $\frac{1}{2}\%$ съ капитала въ 4730 руб.

5) Села Бродинскаго Никольско-Виземское тожъ, Чернскаго уѣзда, съ 18 ноября 1908 г. Земли ц. 76 дес. 1965 кв. с. Прихожанъ м. п. 1212. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику. Причтъ получаетъ казеннаго жалованья въ размѣрѣ 539 руб. Причтъ получаетъ $\frac{1}{2}\%$ съ капитала въ 450 р.

6) Села Пронина, Бѣлевскаго уѣзда, съ 11 января с. г. Земли ц. 165 д. 355 кв. саж. Прихожанъ м. п. 518. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику. Причтъ получаетъ $\frac{1}{10}\%$ съ капитала въ 806 руб.

7) При церкви села Ржавы, Крапивенскаго у., съ 13 января сего года. Земли церковной 44 дес. 300 саж. Прихожанъ м. п. 1435. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику. Для причта имѣется помѣщеніе. Причтъ получаетъ $\frac{1}{2}\%$ съ капитала въ 103 руб. 74 коп.

8) Димитріевской Кладбищенской, г. Тулы церкви съ 13 февраля с. г. Прихожанъ м. п. 608. Причтъ положено быть: священнику, діакону и псаломщику. Причтъ получаетъ $\frac{0}{100}$ въ 165 руб. въ годъ. Для причта имѣются церковные дома.

9) Соборной Николаевской, г. Крапивны церкви съ 11 февраля с. г. Земли ц. 72 дес. 1160 кв. с. Прихожанъ м. п. 1398. Причта положено быть: 2 священникамъ, діакону и 2 псаломщикамъ. Причтъ получаетъ $\frac{0}{100}$ съ 2314 рублей.

10) С. Поповки, Каширскаго уѣзда съ 17 февраля с. г. Земли ц. 182 дес. 1270 кв. саж. Прихожанъ м. п. 915. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику.

в) Псаломщическія при церквяхъ:

1) При Покровской, г. Черни церкви, съ 18 ноября 1908 г. Земли ц. 65 дес. 65 кв. с. Прихожанъ м. п. 439. Причта положено быть: священнику и псаломщику. Причтъ получаетъ $\frac{0}{100}$ съ капитала въ 1756 руб. 16 коп.

2) При церкви села Лазавки, Ефремовскаго у., съ 4 февраля 1909 года. Земли церковной 41 дес. 408 кв. саж. Прихожанъ м. п. 1486. Причта положено быть: священнику и псаломщику.

3) С. Вепрей, Алексинскаго уѣзда, съ 4 февраля сего года. Земли ц. 116 дес. 1854 кв. саж. Прихожанъ м. п. 658. Причта положено быть: священнику и псаломщику. Причтъ получаетъ казенное жалованіе въ размѣрѣ 392 р. $\frac{0}{100}$ -ты съ 907 р.

4) Села Ново-Никольскаго на Роскѣ, Чернскаго уѣзда, съ 24 февраля сего года. Земли ц. 36 дес. Прихожанъ м. п. 392. Причта положено быть: священнику и псаломщику. Для причта имѣются церковные дома. Причтъ получаетъ казеннаго жалованья 392 руб. въ годъ.

5) Села Языкова, Чернскаго уѣзда, 27 февраля сего года. Земли ц. 47 дес. 2018 кв. саж. Прихожанъ м. п. 1747. Причта положено быть: 2 священникамъ и 2 псаломщикамъ.

6) Села Покровскаго, Алексинскаго уѣзда, съ 24 февраля сего года. Земли ц. 36 дес. Прихожанъ м. п. 525. Причта положено быть: священнику и псаломщику. Причтъ получаетъ казеннаго жалованія въ размѣрѣ 392 руб. и $\frac{0}{100}$ съ 1715 руб. 40 коп.

Страница № 25 неофициальной части выйдет подь новой редакціей.
7) Села Ново-Заголичнаго, Ефремовскаго уѣзда, съ 19 февраля сего года. Земли ц. 36 дес. Прихожанъ м. п. 1168. Причта положено быть: священнику діакону и псаломщику. Причтъ получаетъ % съ 533 руб.

Епархіальныя Вѣдомости.

№ 15 марта.

№ 10—11.

1909 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

О св. Крестѣ и крестномъ знаменіи.

БЕСѢДА

православнаго въ домѣ старообрядцевъ.

Православный. Добраго здравія, называемые старообрядцы.

Старообрядцы. Остаю быть, на твою, мы называемы старо-
обрядцы, а не настояще?

Пр. Да вы не настояще старообрядцы.

См. Почему же это такъ?

Пр. Потому, что вы одни обряды принимаете, существова-
вшие при 5-ти бывшихъ якобы великихъ патриархахъ, а другіе, при
такихъ же бывшихъ обрядахъ, отвергаете.

См. А кто же у тебя настояще старообрядцы?

Пр. Настоящие старообрядцы единобличны, за свято принимаю-
щіе обряды и тѣ, которые и православная церковь употребляетъ,
и въ русской церкви употреблялись и до н. Навана.

См. А на что же нашъ крестъ-то носишь?

Пр. Крестъ, поэтому я и говорю, что вы не настояще старо-
обрядцы: со времени раскола и его селъ, такого личеченія у
васъ не было. Оно не существовало. — какой-то „вашъ“ и „вашъ“
крестъ, но по виду и формѣ почитался крестъ за Хри-
стовъ крестъ. Но что касается „вашего“ креста, я никогда не по-
читаю и не буду носить, в если я ному, то не „вашъ“, а Хри-
стовъ крестъ я ному.

Редакторъ официальной части И. Савичъ.

ТУЛЬСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости.

8—15 марта. № 10—11. 1909 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

О св. Крестѣ и крестномъ знаменіи.

БЕСѢДА

православнаго въ домѣ старообрядцевъ.

Православный. Добраго здравія, называемые старообрядцы.

Старообрядецъ. Стало быть, по твоему, мы называемые старообрядцы, а не настоящіе?

Пр. Да, вы не настоящіе старообрядцы.

Ст. Почему же это такъ?

Пр. Потому, что вы одни обряды принимаете, существовавшіе при 5-ти бывшихъ якобы вашихъ патріархахъ, а другіе, при нихъ же бывшіе обряды, отвергаете.

Ст. А кто же у тебя настоящіе старообрядцы?

Пр. Настоящіе старообрядцы единовѣрцы, за свято принимающіе обряды и тѣ, которые и православная церковь употребляетъ, т. е. въ російской церкви употреблявшіеся и до п. Никона.

Ст. А на что жъ нашъ крестъ-то носишь?

Пр. Вотъ, поэтому я и говорю, что вы не настоящіе старообрядцы; до появленія раскола и его сектъ, такого лжеученія у насъ въ Россіи не существовало, — какой-то „вашъ“ и „нашъ“ крестъ, но во всѣхъ видахъ и формахъ почитался крестъ за Христовъ крестъ. Но что касается „вашего“ креста, я никогда не носилъ и не буду носить, а если я ношу, то, не „вашъ“, а Христовъ крестъ я ношу.

Ст. Зачѣмъ же? Вашъ крестъ четвероконечный, вотъ ты его и носи.

Пр. Ни вашъ, и ни нашъ, а Христовъ крестъ есть, и четвероконечный, и осмиконечный.

Ст. Какъ же это такъ? Развѣ Христось-то на двухъ крестахъ распинался?

Пр. Не на двухъ, а на одномъ.

Ст. А зачѣмъ же ты говоришь, четвероконечный и восьмиконечный — Христовъ крестъ?

Пр. Затѣмъ... Четвероконечный Христовъ крестъ есть безъ приложенія, а восьмиконечный съ приложеніями, т. е. Пилатовой дщицы и аллегорическаго подножія и прочаго.

Ст. Нѣтъ, Христовъ крестъ-то изобразился только тогда, когда Пилать уже дщицу ко кресту прибилъ и подножіе ему сдѣлали, и Христось сказалъ „совершишася“.

Пр. Христось сказалъ „совершишася“ ко своему страданію на крестѣ, а не къ какой-либо формѣ, или полности креста или Пилатовой вѣвѣскѣ: кресты всегда, во всѣ христіанскіе вѣка почитались, съ приложеніями и безъ приложеній, т. е. безъ дщицы Пилатовой и подножія и безъ Муроносицъ и прочаго, за Христовы кресты.

Ст. Вонна! Муроносицы-то развѣ крестъ?

Пр. Муроносицы и Богородица, бывшія при крестѣ, еще важнѣе для креста, чѣмъ Пилатова вѣвѣска, или какія-либо копіе, трость, губа и гвозди и глава Адамова и прочее прилагаемое ко кресту; и если спросить васъ — вѣдь вы кланяетесь восьмиконечному кресту, на которомъ не изображенъ самъ Исусъ Христось висящимъ на крестѣ?

Ст. Кланяемся.

Пр. Если вы кланяетесь кресту такому, на которомъ даже и невоображенъ висящимъ Самъ Христось Спаситель, то почему вы не хотите почитать и кланяться такому кресту Христову, на которомъ если не устроена дщица Пилатова, или она вдоль креста изображена? Христось Спаситель-то вѣдь важнѣе всѣхъ предметовъ, бывшихъ при крестѣ?

Ст. Христось-то Спаситель не всегда, а временно былъ на крестѣ, Его сняли со креста, а дщица такъ и осталась на крестѣ.

Пр. Это ты отъ себя говоришь, что дщица осталась на крестѣ, ей не для чего и оставаться на крестѣ, въ-добавокъ она и не была прибита ко кресту, а положена на крестѣ; подобно сему, если и подноже, копіе и трость, эти всѣ предметы были тоже

временные при крестѣ; и при томъ, подобныя дщицы и вѣѣски на крестахъ всегда полагались и ко всякому распинаемому для объявленія, за что всякій распинался, по римскому обычаю. Это только такъ расколъ самовольно выдумалъ уродливо учить, безъ Самого Христа Спасителя можно кланяться кресту, а безъ дщицы де Пилатовой и безъ прочаго приложенія якобы нельзя. И если еще спросить у васъ, для чего она, эта Пилатова вѣѣска, тогда, когда если нѣтъ даже и Самого Христа Спасителя висающимъ на крестѣ? И въ-добавокъ, вы же сами ни за что считаете евангельскую исторію и слова Пилатовы, и вмѣсто Пилатовыхъ словъ, І. Н. Ц. І. вы своевольно надписываете: „Царь славы“; не искаженіе-ли это ума и совѣсти; доска якобы для креста необходимая важность, а для чего она при крестѣ, отвергаете? Очевидно такимъ извращеніемъ ума и совѣсти вы не кресту какую-либо почесть сотворяете, по своему возгордѣвшему нраву, для защищенія своего раскола предъ церковію.

Ст. А для чего же въ исторіи четвероконечный крестъ-то названъ крыжемъ, когда его несли къ намъ въ Россію съ запада, во время царской свадьбы?

Пр. Это, т. е. по твоему—исторія ругаетъ крестъ „крыжемъ“ за его четвероконечіе.

Ст. Стало быть, вотъ ругаетъ.

Пр. А вы ругаться-то любите, вотъ и по душѣ вашей пришлось такое слово, крыжъ; но нѣтъ, это слово крыжъ не руганіе креста, но по-польски названіе его. Названіе креста есть различное, по-римски онъ зовется крукъ, по-польски крыжъ, по-русски, крестъ, вотъ мы и привыкли называть крестъ. И вотъ, когда несли его изъ Польши со свадьбою, польскимъ названіемъ онъ и названъ исторіей, не для хулы, но по-польски. И восточная церковь съ западной въ полемическихъ спорахъ о различности, съ приложеніями, или безъ приложенія ко кресту, не имѣла никогда спору. А если по вашему мыслить, то тогда вы и креститесь, стало быть, не крестомъ Христовымъ, а крыжемъ; послѣ этого, какая же вамъ Божія благодать будетъ отъ крестовозложенія, если вы крыжъ слово къ ругательству относите, за его якобы четвероконечіе, и сами же четвероконечный крестъ на себѣ изобразуете? По археологическимъ даннымъ, видно, что самыя древнѣйшія церкви у насъ въ Россіи всѣ имѣютъ на себѣ четвероконечные кресты, подобные Корсунскому кресту Благовѣрнаго князя Владиміра.

Ст. А какой крестъ-то Корсунскій? Какъ же это на такомъ крестѣ могъ распинаться Христосъ?

Пр. Это уже не наше дѣло, какъ могъ распинаться, но видимъ это изъ исторіи и памятниковъ и даже отъ проявленіи небеснаго равноапостольному Царю Константину. Читай о семъ 8-го мая въ прологѣ, тамъ сказано: „долгота бо его яко же и широта“, т. е. креста.

Ст. Ну ужъ будетъ. Вы намъсь хотѣли диденъкины возраженія читать. Что же не читаете?

Пр. Ну что же, давайте ихъ читать, какія такія возраженія?

Ст. Вотъ что онъ пишетъ: „въ настоящемъ 1908 году, какъ изъ бездны, ехидна всплыла—брошюрка, отъ имени нарицаемаго іеромонаха Оомы“.

Пр. Остановись-ка. Ты не читай ругательства вашего дяденьки, они мнѣ уже давно извѣстны, онъ любитъ ругаться, а читай дѣло.

Ст. Ну, слушай. „Эта монашеская брошюрка, подъ оглавленіемъ „бесѣда православнаго со старообрядцемъ“ энергично ратоборствуетъ противъ двуперстія и покровительствуетъ богострастное троеперстіе“.

Пр. О таковой якобы богострастной лжѣ имъ выдуманной мы прошедшій разъ уже съ вами говорили, повторять нечего, читай.

Ст. Сомжаеть нововѣръ чувственное и мысленное зрѣніе на икону Іисуса Христа Богочеловѣка, являющаго въ державной десницѣ двуперстное знаменіе, неспособенъ разумѣть того, ктобы осмѣлился присадить перстосложеніе, чуждое преданію изображеннаго.

Пр. Вашъ дяденька и учитель, какъ видится, самъ, закрывая свои очи и искажая свою совѣсть, не хочетъ видѣть и разумѣть иконъ, болѣе, чѣмъ за тысящу лѣтъ, музаическихъ во многихъ мѣстахъ: на нихъ изображено въ державной десницѣ Христа Спасителя именословное сложеніе, а не двуперстное, и отъ гордости своея онъ неспособенъ разсуждать и видѣть то, что иконоизобразители писали на иконахъ Христа Спасителя благословляющаго, не по преданію, какому-то неизвѣстному, якобы, отъ изображеннаго, но со взгляда христіанскаго, народнаго обычая и присаждали въ десницу даже Самого Господа Бога Саваооа и къ ветхозавѣтнымъ пророкамъ. Преданіемъ же, якобы отъ изображеннаго, вашъ наставникъ, не боясь Самого Судии Христа и Бога, нагло

на него лжетъ-клеветаетъ, вкупѣ съ писателемъ Стоглава и съ своими „поморскими отвѣтами“. Читай далѣе.

Ст. Внѣшностью обряда закрѣпляли св. Отцы всероссійскаго стоглаваго собора, присудившаго: еще кто двѣма персты не благословляетъ, якоже и Христосъ, или не воображаетъ двѣма персты крестнаго знаменія, да будетъ проклятъ.

Пр. Всякое сложеніе перстовъ есть внѣшность, а не иное что, которую внѣшность, очевидно, отцы собора, бывшаго при Царѣ Іоаннѣ Грозномъ, и какъ видится, по самой книгѣ „стоглавъ“, не присуждали: *еще кто двѣма персты не благословляетъ*, и прочее, и это, очевидно, напуталь, двуперстіе вкупѣ смѣшалъ писатель Стоглава, какой-либо дьякъ изъ опрични тогдашней, который, какъ видится, не ограничя фактомъ и словами западнаго чинопріемника, въ которомъ повелѣвалось въ пріятіи яковитъ, т. е. единовольниковъ, съ клятвою, чтобы они крестились не по единовольнически однимъ перстомъ, но двумя, и при присоединеніи ихъ, имъ изрекались такія слова: *еще кто не знаменуется двумя пальцома, да будетъ проклятъ*, но писатель Стоглава еще среди этихъ словъ прибавилъ: *яко же и Христосъ*, чего въ западныхъ чинопріемникахъ не обрѣтается (поморск. отвѣты 5 отв. 52 зам.). Не тотъ же писатель Стоглава, какъ видится, два вкупѣ смѣшалъ и двуперстіе и троеперстіе, и все это смѣшеніе свое выдалъ якобы это повелѣніе отъ св. Мелетія и Θεодорита.

Ст. Какая же тутъ внѣшность, когда тремя персты исповѣдуются св. Троица, а двумя два естества Христовы?

Пр. Нѣтъ, персты нѣмые св. Троицу и два естества Христовы не исповѣдуютъ, а нашими устами и разумомъ они исповѣдуются, эти догматы, а персты лишь только прознаменуютъ устно сказуемый нами догматъ, персты же нѣмые лишь счетомъ и внѣшнимъ, наружнымъ согнутіемъ ихъ лишь подтверждаютъ разумно-сердечное усты-нашими исповѣданіе Бога. А если по вашему разсуждать, тогда какія нибудь и три окна у васъ будутъ догматъ. Если-бы св. великомученица Варвара крестилась двуперстно, тогда-бы она не стала разорять два окна, а три устроить.

Ст. А иконы, по твоему, какъ, догматъ или нѣтъ?

Пр. И иконы тоже, не доски и краски догматъ есть, но на нихъ изображенное, подобно, что наши уста сказуютъ о Богѣ, есть догматъ, а иконы изображеніемъ своимъ наглядно показываютъ догматъ, а персты счетомъ и совокупленіемъ ихъ прознаменуютъ

догматъ. И такъ, не видно, чѣмъ-бы вы справедливо доказали свое ученіе. И если вашъ учитель, вмѣсто справедливаго доказательства, представляетъ, якобы отъ собора сказанную, клятвенную строгость, то отъ строгости клятвенной не могутъ превращаться въ догматъ обряды. Если и Патріархъ Макарій Ант. погорячился, тоже сказалъ подобную строгость на некрестящихся троеперстно, то и отъ его строгости такъ же не превращалось троеперстіе въ догматъ. Св. Димитрій Ростовскій и прочіе сказуютъ такъ: „слагати же персты, послѣжде (т. е. послѣ Христа) вниде обычай добръ, обаче не догматъ вѣры“ (Розыс. 491 стр.) Читай. Что еще тамъ.

Ст. Еллинорусскій соборъ, 1666 г. въ своей книгѣ, „Жезль правленія“ о томъ же перстосложеніи отозвался: „научихомся сипцеваго образованія, ко благословенію, отъ самого Господа нашего, Іисуса Христа, якоже преданіе святыхъ отецъ повелѣваать, Онъ бо самъ въ день вознесенія своего, изведъ ученики своя изъ Іерусалима вонъ, даже до Вифаніи и воздвигъ руцѣ свои, благослови ихъ“ (Л. 49).

Пр. Вашъ наставникъ, какъ видится, все лжетъ, лжетъ и лжетъ; навѣрно онъ уже къ этому привыкъ.

Ст. Это что тамъ,—лжетъ: ты говори, чѣмъ лжетъ.

Пр. Тѣмъ, первое его слово ложное; еллинорусскій онъ ложно называетъ этотъ 1666 г. соборъ: посмотри на соборное дѣяніе этого собора и увидишь, на немъ ни одного не было грека или еллина, но всѣ были одни наши русскіе первосвятители, ставившіеся на святительство отъ патріарховъ Филарета, Іоасафа и Іосифа. Вторая его ложь въ томъ, что этотъ соборъ, составившій книгу „Жезль“, въ которой будто-бы онъ отозвался о Христѣ и о двуперстномъ отъ Него сложеніи. Мыслимо-ли этому быть, когда этотъ же соборъ даже отвергалъ двуперстіе, за его новоявленіе у насъ въ Россіи. Въ третьихъ, онъ лжетъ тѣмъ, что будто-бы соборъ сказалъ: „научихомся при вознесеніи Іисуса Христа слагать персты“. Но, какъ видится, соборъ только сказалъ: „научихомся отъ Христа воздвизать руки и благословлять народъ“, о чемъ и въ „Розыскѣ“ св. Димитрія Ростовскаго сказано (гл. 25. 467 ст.). Ни гдѣ нѣтъ этого отъ святыхъ писаннаго, чтобы Христосъ слагалъ свои персты для благословенія Апостоловъ, кромѣ лживаго „Стоглавника“, съ „Поморскими отвѣтами“. Благословлялъ Христосъ и младенцевъ, но какъ? тоже не перстосложеніемъ ка-

кимъ-либо, но — *возложѣ руцѣ на нихъ, благословляше ихъ* (Мар. гл. 10 ст. 16), и вотъ таковымъ же подобіемъ при вознесеніи Христосъ благословилъ своихъ Апостоловъ. Подобно, какъ и въ настоящее время архіереи благословляются: возлагаютъ руки на новоставляемаго и читаютъ молитву по Апостольскому обычаю, — не сложеніемъ перстовъ, но возложеніемъ рукъ священство дается (Тим. 4 ч. 13 ст.). Обычай же сложенія перстовъ послѣ Христа и Апостоловъ вниде въ вѣрныхъ, о чемъ справедливо скажетъ Димитрій Ростовскій. — Пока довольно, читай далѣе.

Ст. Оба собора перстосложеніе приписали къ лицу Іисуса Христа, начальника вѣры, и сіе есть знаменіе вѣры, а не внѣшность обряда; къ сожалѣнію, соборы разъединились въ преданіи...

Пр. Будто-бы соборы 1666 и 1667 годовъ, по вашему сказанію, авторство перстосложенія приписали къ лицу Христа Спасителя... Спрашивается, какими словами они, эти соборы, приписали перстосложеніе къ лицу Христа Спасителя? Вотъ предъ нашими глазами дѣянія обоихъ этихъ соборовъ, въ нихъ совершенно этого нѣтъ приписанія... И опять, тутъ же учитель вашъ наружное знаменіе вѣры ищетъ возвеличить и превратить въ самую невидимую вѣру; но знаменіе вѣры не сама вѣра. Вѣра въ сердцѣ чловѣка обитаема, она невидима; а различныя ея видимыя отраженія и обряды не сама вѣра, но внѣшность и показаніе вѣры. И притомъ, тоже навѣрно несправедливо онъ свидѣтельствуетъ, чѣмъ-то эти соборы разъединились. Читай далѣе.

Ст. Стоглавый и послѣдующіе ему пять всероссійскихъ патріарховъ догматствуютъ въ сложеніи трехъ перстовъ: перваго съ двумя послѣдними троичность Божества, а въ двухъ, которыми знаменуемся, — два Христовы естества.

Пр. И это тоже ложное выраженіе вашего учителя на патріарховъ, будто-бы 5 патріарховъ вкупѣ съ „Стоглавникомъ“ догматствовали сложеніе перстовъ: но какими словами и гдѣ они, эти пять патріарховъ, догматствовали? Персты лишь указуютъ и показуютъ сложеніемъ и счетомъ своимъ догматъ, а не самое перстосложеніе догматъ. Это только расколо-вожди сложеніе перстовъ своихъ начали догматствовать, а не патріархи. И притомъ, если-бы 5 патріарховъ руководились и руководили русскую церковь „Стоглавникомъ“, то непременно они бы его и отпечатали для руководства и прочимъ; а не печатали, стало-быть, они нужностію не сочли этою рукописью „Стоглавника“ руководствоваться,

и въ немъ написаннымъ двуперстіи. Это ясно и потому, во первыхъ, если-бы 5 патріарховъ руководились „Стоглавникомъ“ и крестились двуперстно, тогда-бы 3-й патріархъ, Филаретъ, не отпечата-ль-бы такое повелѣніе, сказанное въ „Большомъ Катихизисѣ“. *Вопросъ:* како на себѣ достойтъ намъ честный крестъ полагати, и знаменатися имъ? *Отвѣтъ:* сиде знаменатися имъ. Сложивъ убо три персты десныя руки, и возлагаемъ на чело, та же на животъ и на десное и на лѣвое рамо, глаголюще: Господи Иисусе Христе и прочее. И не сталъ-бы онъ, п. Филаретъ, самого себя подвергать подъ клятвы „Стоглавника“... О такомъ троеперстномъ сложеніи лукавно „Поморскіе отвѣты“ умолчали.—Если-бы 5 патріарховъ руководились „Стоглавникомъ“ и крестились якобы двуперстно, то почему ими постановленные, съѣхавшіеся на соборъ, по повелѣнію царя Алексія въ 1666 г., всѣ пастыри и архипастыри были троеперстники, скажи-ко ты мнѣ?

Ст. Какъ же это такъ — ими поставленные? вѣдь этотъ соборъ-то 1666 года былъ уже при Никонѣ?

Пр. Ну, что же, что при Никонѣ? Никонъ патріархъ, въ 6 лѣтъ патріаршествованія своего, мало кого поставилъ на святительскія должности, а вся та масса архипастырей, видно, поставлялась на священство отъ прежде бывшихъ патріарховъ: Филарета, Иоасафа и Иосифа, а не отъ Никона. И притомъ, изъ всего этого съѣхавшагося духовнаго синклита непремѣнно были и по 70 лѣтъ старцы, которые, навѣрно, помнили даже и перваго, Юва патріарха, который скончался въ 1607 году, т. е. только за 59 лѣтъ до этого собора. Поэтому и предстоить вопросъ: если-бы на самомъ дѣлѣ Никонъ выдумалъ троеперстіе, то почему всѣ эти старцы духовнаго синклита, съѣхавшіеся на соборъ 1666 года со всей Россіи, всѣ были троеперстники, которые даже составили книгу „Жезлъ“, въ которой объявляли и объясняли о двуперстіи, какъ-бы о новоявленномъ у насъ въ Россіи,— были всѣ вкупѣ и согласно?

Ст. Нѣтъ не всѣ: а Павель-то, епископъ Коломенскій, развѣ былъ троеперстникъ? онъ былъ двуперстникъ.

Пр. Вотъ у тебя только и есть въ полѣ воинъ одинъ, Павель, еп. Коломенскій, а на всѣхъ другихъ не хочешь ты обращать и вниманія; но, какъ видится по исторіи, непремѣнно и Павель епископъ тоже былъ троеперстникъ.

Ст. Ну, ужъ это ты лжешь, чтобы Павелъ былъ троеперстникъ.

Пр. Нѣтъ, не лгу. Если-бы Павелъ епископъ былъ двуперстникъ, то онъ бы непремѣнно протестовалъ противъ „памяти“, разосланной п. Никономъ въ 1653 году по Московскимъ церквамъ, въ которой „памяти“ повелѣвалось, чтобы и двуперстники крестились троеперстно, чрезъ которую „память“ нѣкоторые изъ двуперстниковъ отступили отъ церкви, какъ-то: протопопы Іоаннъ Нероновъ, Аввакумъ и дякъ Ѳеодоръ, злившіеся на п. Никона за ихъ смѣщеніе съ печатнаго двора, а Павелъ епископъ чрезъ эту „память“ не отступилъ отъ церкви, но даже уже послѣ этого присутствовалъ на соборѣ 1654 году, и даже самъ подписался на этомъ соборѣ къ исправленію книгъ. Поэтому и очевидно, что и Павелъ епископъ тоже былъ троеперстникъ, когда ничего не сказалъ на соборѣ противъ троеперстія.

Ст. Да, можетъ быть, онъ Никона побоялся говорить-то противъ троеперстія.

Пр. Нѣтъ, не побоялся, оказывается. Если-бы Павелъ боялся п. Никона протестовать противъ троеперстія, то тѣмъ болѣе бояться-бы ему должно протестовать противъ 12 поклоновъ, бываемыхъ во время молитвы Ефрема Сирина, которые п. Никономъ присуждались,—кланяться не великими, а малыми поклонами, по правильнымъ уставамъ; но Павелъ епископъ не побоялся, а протестовалъ противъ малыхъ поклоновъ на соборѣ, хотя и подписался къ исправленію книгъ.

Ст. А за что же его Никонъ разстригъ-то?

Пр. Это за другое дѣло онъ его разстригъ, это въ послѣдствіи уже дѣло было, когда онъ, Павелъ, видѣлся съ протопами Іоанномъ Нероновымъ и Аввакумомъ, которые его и развратили; а онъ навѣрно былъ легкомысленъ, и поддался ихъ лжеученію.— Онъ, однажды, нечаянно возшолъ въ крестовую палату, гдѣ сохранялись акты и къ исправленію книгъ, и изъ одного этого акта взялъ подпись свою и выскребъ. Узналъ о семъ Никонъ п., и вотъ за это его и разстригъ, а не за протестъ противъ троеперстія. И опять, если хотя-бы какой-либо единъ и былъ изъ епископовъ и двуперстникъ, то это не составляетъ какой-либо важности противъ всѣхъ. Если-бы, по сказанію вашего учителя, 5 патріарховъ руководились „Стоглавниковъ“ и сами крестились двуперстно; то спрашивается, почему они не обучили двуперстію лицъ, ими поставленныхъ на архіерейскія и

архимандритскія и прочія священныя должности? и мыслимо ли тому быть, чтобы поставлявшіе патріархи были яко бы двуперстники, а поставленные отъ нихъ троеперстники?

Ст. Это, навѣрно, Никона они послушались, вотъ и стали креститься троеперстно.

Пр. Нѣтъ, не послушались, какъ ты легкомысленно говоришь. Можетъ ли это быть, когда даже Никона и на соборѣ 1666 года не было, и, гнѣваясь, царь Алексій на Никона, и не призывалъ его на этотъ соборъ, ища надъ нимъ большой вины для низверженія его съ патріаршества, и не нашедши другой, уже для этого соборъ собралъ 1667 года. И еще. Если бы, по твоему, съѣхавшіеся архипастыри и весь духовный синклитъ яко бы послушались п. Никона, начали креститься троеперстно; то могли ли они быть всѣ единомысленными на этомъ 1666 г. соборѣ и составлять книгу Жезлъ противъ новоявленнаго Московскаго двуперстія? тутъ въ нихъ была бы путаница и несогласіе; и при томъ, тутъ были и такія лица, которыя даже враждовали на п. Никона, о которой враждѣ бывшей отъ епископовъ: Рязанскаго Илюдора, Крутицкаго Питирима и Мстиславскаго Меѳодія свидѣтельствуешь исторія (церк. ист. Филарета Гумилевскаго 4 ч. 69 ст.). И такъ, даже и эти враждовавшіе и нападавшіе на п. Никона епископы да и то были троеперстники, которые совершенно того не заявляли, что отъ п. Никона научились креститься троеперстно; но наоборотъ, всѣ единомудренно и единомысленно, вкупѣ даже и со враждовавшими на п. Никона, епископы такія слова на соборѣ 1666 г. предъ царемъ и всѣми людьми изрекли: „Востающе же кому отъ сна и ложадуся спати, или кое дѣло хотящу творити знаменатися тѣми же первыми тремя персты и глаголати: во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Тако бо имуть всѣ народи христіанстіи изъ древле (а не отъ Никона) и до нынѣ неизмѣнно Подобно и отцы наши, и дѣды, и прадѣды, изъ-древле другъ отъ друга пріемлюще, тако знаменовахуся, яко же и нынѣ видѣти мужей поселянъ, неизмѣнно изъ древняго обычая, тако знаменающихся тремя персты“ (Дѣян. собора 1666 г. 11 г.). Вотъ что поставленные пятию патріархами на соборѣ заявили о себѣ и о народѣ тогдашнемъ,—что издревле и отъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ наслѣдовали троеперстное сложеніе, а не у Никона п. они яко бы обучились. Поэтому неизмѣнно тоже и 5 патріарховъ крестились троеперстно. Не

спору о томъ, смѣсившаяся родствомъ и измѣною съ Польшею, пополичившая наша интеллигенція и княжескіе дворы или какіе-нибудь князья Мышецкіе, дѣйствительно, многіе крестились двуперстно, заразившіеся западнымъ двуперстіемъ; а что касается нашего руссійскаго духовенства, то изъ историческихъ фактовъ видно, что они всѣ крестились троеперстно. И о томъ не спору, можетъ быть кто-либо и изъ патріарховъ благословлялъ двуперстно, путемъ не знаяши греческаго именовсловаго перстосложенія и о немъ толкованія, какъ и Іосифъ, 5-й патріархъ, не зная о семъ, чрезъ что и послалъ Арсенія Суханова на востокъ дознавать о всемъ этомъ. Но довольно пока. Читай, что тамъ еще.

Ст. Соборъ 1666 г. отнесъ славянорусское именовсловіе для апостоловъ еврейскаго языка весьма непонятное ни по нарѣчію буквъ, ни по имени; а за такимъ разнорѣчіемъ, знаменіе вѣры обращено въ знаменіе пререканія, святое и святищее двуестественное Христово образованіе въ полемическихъ печатныхъ книгахъ оплевано и охулено.

Пр. По Священному Писанію, знаменіе вѣры, крестъ Христовъ есть и крестченіе. По историческимъ памятникамъ видно, что отъ обычнаго русскаго самочинія, о которомъ стоголавописатель, въ своей 11 главѣ, изъясляетъ, началось изображаться самовольно на иконахъ и въ книгахъ писаться московское двуперстіе, отъ чего и произошли пререканія; троеперстное же и именовсловное сложеніе и соборъ 1666 года изъ двуперстнаго не превращалъ въ именовсловное; но издревле оно принято было въ Россіи вмѣстѣ съ восточною христіанскою вѣрою, принято, какъ видится, по древнѣйшимъ памятникамъ.

Ст. А на что же у васъ два сложенія; и троеперстное, и какое-то еще именовсловное? да развѣ можно пальцами слова-то слагать?

Пр. Стало быть, можно. Намъ, русскимъ, не стать восточную греческую церковь учить и ей пререковать, какъ расколъ дѣлаетъ, а нужно у ней учиться; потому что отъ нея мы и вѣру христіанскую приняли, въ которой таковое именовсловное сложеніе перстовъ въ обычай образовалось тогда еще, когда наша Россія въ идолопоклонствѣ находилась. Это видно по археологическимъ и музайческимъ иконамъ и чеканеннымъ деньгамъ, находящимися въ историческихъ музеяхъ.

Ст. Да развѣ греческія слова-то похожи на наши руссійскія?

Пр. Похожи, почти-что одинаковы, а въ собенности въ имени Христовомъ.

Ст. Ну, а на прочихъ-то языкахъ какъ же слагать надо, гдѣ слова-то совсѣмъ не похожи на греческія?

Пр. О прочихъ народахъ ясно неизвѣстно: есть памятники, сказующіе, что и единѣмъ перстомъ изображали крестъ, а въ православной Абиссиніи слагаютъ и до сего времени такъ: кладутъ великій перстъ поперекъ указательнаго, и крестятся, и благословляютъ такъ же. Въ древнѣйшія времена въ сложеніи перстовъ всякое различіе за какое-либо церковное преступленіе или за законъ не считались, но это было на волѣ каждаго народа, поэтому, на 7 вселенскихъ соборахъ о сложеніи перстовъ ничего намъ и не сказано, очевидно, чрезъ различіе, существовавшее въ оно время въ народѣ. Греческая же церковь, какъ видится, своею жизнію жила, и своими обычаями руководилась, которые въ ней образовались, т. е. имѣла и именословное сложеніе перстовъ; отъ ней и наша Россія приняла это.

Ст. Да развѣ можно свои образовывать обычаи, самовольно?

Пр. Стало быть, можно, мало ли какихъ христіанскихъ обычаевъ, безъ повелѣнія 7-ми вселенскихъ соборовъ, въ восточной и въ западной церквяхъ, особыхъ другъ отъ друга св. отцами и монастырями образовались, ранѣе и послѣ 7-ми вселенскихъ соборовъ? какъ то: различныя литургіи, вечерни малыя и великія, утрени и всенощныя, панихиды и молебны, и различныя каноны и прочее, которыхъ обычаевъ другія церкви не знаютъ и до сего времени. Точно такъ же и именословное сложеніе, отъ Св. Греческой церкви, какъ обычай, образовалось, очевидно, на основаніи словъ Христа Спасителя: *именемъ моимъ бгсы изженутъ*. Съ сими словами Христа, святые, чудотвора, согласно сему, и персты въ имя Христово слагали.

Ст. А если слова-то безъ титлъ, то какъ же тутъ можетъ выходить имя Христа Спасителя? тутъ только выходить: Иисусъ Христосъ; это не знамо что.

Пр. Нѣтъ, не незнамо что. Если я спрошу у васъ: вотъ вы слагаете два перста въ прознаменіе двухъ естествъ, во Христѣ бывшихъ; то почему и чѣмъ доказывается, что эти ваши два пальца могутъ прознаменовать, что они естества Христовы прознаменуютъ, когда надъ ними нѣтъ ни какой ни надписи, ни выѣски, ну-ка, скажи-ка ты мнѣ?

Ст. (задумавшись). Это... тутъ надо уже свою мысль къ нимъ прилагать, а не вывѣску писать.

Пр. Вотъ ты если къ своимъ двумъ перстамъ мысль только хочешь прилагать, а не вывѣску писать, что они, твои два перста, два естества Христовы прознаменуютъ; то почему же ты другимъ не допускаешь мысленныя и разумныя титулы прилагать къ словамъ, изъ перстовъ имени Христа Спасителя составляемымъ? Поэтому, стало быть, твое и твоего учителя несправедливо разсужденіе о семъ.

Ст. Да, такъ у тебя все несправедливо. Да развѣ пишется имя *Исусъ Христосъ* назадъ передомъ? а у васъ въ перстахъ-то оно стоитъ назадъ передомъ.

Пр. На печатяхъ слова всегда вырываются съ лѣва на право, а когда ими что отпечатается, тогда они и выходятъ, какъ и должно; такъ и тутъ: печать благословенія Христовыхъ словесъ на благословившемся челоѣкѣ запечатлѣется, какъ и должно, *Исусъ Христосъ*. Оно оказывается и у васъ назадъ передомъ.

Ст. Гдѣ же это у насъ назадъ передомъ?

Пр. Въ книгахъ всегда пишется: впереди Божество, а потомъ челоѣчество; и вотъ, обрати-ка руку свою тоже пальцами на передъ и увидишь. Великосредній перстъ у васъ въ псалтыряхъ пишется поставлять въ челоѣчество, а указательный въ Божество, то и выходитъ—челоѣчество и Божество не по Писанію.

Ст. Да это можно съ другой стороны руки читать—Божество и челоѣчество.

Пр. Если вамъ можно съ другой стороны руки читать, то и намъ можно съ другой стороны читать *Исусъ Христосъ*. И при томъ, вы преклоняете тотъ перстъ, который ставите въ челоѣчество; да развѣ Христосъ Спаситель шель на землю челоѣчествомъ? Онъ шель Божествомъ, а вы преклоняете челоѣчество. Вотъ какимъ неблагоразуміемъ обладали печатчики и выдумщики московскаго двуперстія при Іосифѣ патріархѣ.

Ст. Да, да, выдумщики: вы привыкли уже такъ ругать и корить наше двуперстіе.

Пр. Я не ругаю и не корю.

Ст. Ну, ваши полемисты ругаютъ демоносидѣніемъ, адовыми вратами...

Пр. Нѣтъ, полемисты, какъ вы говорите и пишете, не ругали такъ ваше двуперстіе; это вы сами свое же двуперстіе такъ ругаете...

Ст. Сами? Какъ это такъ сами? ишь въ нашихъ книгахъ такъ написано.

Пр. Нѣтъ, такъ, какъ вы говорите, въ нашихъ книгахъ такъ не написано. Полемисты, какъ видится по ихъ сказанію, лишь только какъ бы отражались отъ хуленій на троеперстіе. Полемисты слова не опредѣлительныя о двуперстіи высказывали, а вы сами въ опредѣлительныя хулы ихъ извращаете. Напримѣръ, когда къ св. Димитрію Ростовскому прислали расколоучители нарисованную руку, троеперстно сложенную, и на перстахъ этой руки было написано „сатана“, на сіе неистовство св. Димитрій лишь отразился и высказалъ: „на пишите вы и на своихъ двухъ перстахъ „демонъ“. Онъ только вотъ возразилъ, т. е. имъ самимъ велѣлъ написать „демонъ“, если они уже такъ смѣлы писать на троеперстіи „сатана“; а того совершенно онъ не писалъ, что двуперстіе будто-бы демоносидѣніе, какъ вы привыкли лгать. Такъ же и Игнатій митрополитъ не двуперстіе прямо назвалъ „адовыми вратами“, но дѣйствіе, чрезъ двуперстіе расколомъ дѣйствуемое, онъ назвалъ „адовыми вратами“. Подобно сему выражался и писатель книги „Обличенія“, горячась на увертки писателя Поморскихъ отвѣтовъ, который всякимъ образомъ вывертывался и выправлялся, — что будто-бы у насъ въ Россіи двуперстіе не отъ запада и не отъ латинъ, потому только, что оно у латинъ было въ иной формѣ и переформиться какъ будто-бы у насъ въ Россіи и не могло. И вотъ на таковое отрещиваніе поморскаго отвѣтчика, яко бы не отъ латинъ у насъ двуперстіе, дѣйствительно, очень печально, онъ, писатель книги „Обличенія“, отказался все это изслѣдовать, откуда оно, двуперстіе, но не приглядно выразился. „Двуперстное ваше сложеніе, сказалъ онъ, отстоитъ ли отъ латинскаго перстосложенія, или ни, о томъ здѣ истязанія или разсужденія не творимъ, и отъ латинъ ли вы взяли, или отъ иного какого горшаго черта, этого гдѣ неизслѣдуемъ!.. Въ такихъ словахъ писателя совершенно нѣтъ хулы, что „двуперстіе чертово преданіе“, онъ только не хочетъ знать, откуда оно; а вы уже сами превращаете въ опредѣлительное названіе „чертовымъ преданіемъ“: вольно же вамъ самимъ хулить такъ свое двуперстіе и безсовѣстно сваливать на другихъ людей. И при томъ, если васъ самихъ спросить, на что вы дѣйствительно хулите и ругаете троеперстное сложеніе „Антихристовою печатію“, „Апокалипсическими жабами“ и пишете на трехъ перстахъ „сатана“?

Ст. Когда мы писали?

Пр. Если не вы, то ваши первоучители, Аввакумъ и прочіе такъ писали и ругали.

Ст. Кто писалъ, тотъ за это и отвѣчаетъ.

Пр. Такъ же и церковь давно уже особой брошюрой отвѣтила и заявила. А потому если кто изъ полемистовъ что-либо изрекъ несогласное съ дѣйствіями церкви, то это къ его лицу и принадлежитъ; церковь же сама этого съ нимъ не раздѣляетъ. Читай, что еще тамъ.

Ст. Творецъ брошюрки вознеистовился свидѣтельствовать о двуперстномъ знаменіи — священнаго Θεодорита и преподобнаго Максима Грека оболгалъ фальшивыми.

Пр. Если я неистовлюсь, то онъ, вашъ учитель, найди ту книгу св. Θεодорита, въ которой-бы было написано о двуперстіи, — тогда онъ будетъ правъ; если онъ этой книги не показываетъ, то онъ самъ неистовствуетъ. И о томъ извѣстно, что у насъ въ Россіи составлялись не подлинныя книги подъ именемъ Кирилла Іерусалимскаго, подъ именемъ Златоуста, — „Златоустникъ“, подъ именемъ собора — „Стоглавникъ“, такъ же и книга Максима Грека, подъ его именемъ, въ послѣдствіи оказавшаяся Сборникомъ подъ его именемъ; въ нее, какъ и въ прочія, переписчики внесли слово о двуперстіи и аллилуйи и о прочемъ, о чемъ многіе свидѣтельствовали чрезъ разнообразіе книгъ Максимовыхъ. И „Пращица“ въ 22 отвѣтѣ тоже свидѣтельствуетъ. Читай еще.

Ст. Лжетъ, что христіане еще не знали ученія о двухъ естествахъ во Христѣ. Вопросъ поднялся въ церкви о двухъ естествахъ во Христѣ уже при Максимѣ Исповѣдникѣ и папѣ Мартинѣ, и на шестомъ Халкидонскомъ соборѣ утвердился въ 647 г. Какое слѣпоуміе либерала! Развѣ св. вселенскій 1-й соборъ, происходившій въ началѣ 4-го вѣка не два естества исповѣдуетъ? Св. Кириллъ Іерусалимскій о двухъ естествахъ написалъ въ „огласительномъ поученіи“ и преп. Ефремъ Сиринъ въ поучительномъ словѣ на Преображеніе Господне, въ прологѣ 6-го августа.

Пр. Всѣ эти доказательства вашего учителя какъ бы хожденіе и блужденіе кругомъ да около вопроса, а не сущее правое доказательство. Читай далѣе.

Ст. Суетно, по словамъ брошюры, какой-то отецъ Варнава изъѣздилъ всю Грецію, искалъ тамъ по бібліотекамъ въ Θεодоровыхъ книгахъ сказаніе о двуперстіи и нигдѣ не нашель.

Пр. Если я говорю суетно, то онъ самъ найди; а если этого написанія и самъ не находитъ, то, стало быть, не суетно, а историческая правда. О. Варнава, защищая двуперстіе предъ архим. Павломъ, нарочно и ѣздилъ въ Грецію искать въ тамошнихъ монастырскихъ и патріаршихъ книгохранилищахъ, и нигдѣ не нашелъ Θεодоритова слова о двуперстіи въ его книгахъ: а только нашелъ Петра Дамаскина сказаніе о западномъ двуперстіи. Объ этомъ событіи издана особая брошюрка въ Москвѣ, и продавалась подъ Ивановской колокольней, можетъ быть, и въ настоящее время продается. Читай далѣе.

Ст. Баснословно звучитъ брошюрка, будто-бы бывшіе до п. Никона русскіе христіане всю Аѳонскую библіотеку изъ-за этого двуперстія перерыли и тоже нигдѣ не нашли.

Пр. Тоже и въ этомъ одна обычная вашего учителя видится безсовѣстность — историческія дѣянія называть баснословіемъ. О такихъ историческихъ дѣяніяхъ мы прошедшій разъ уже съ вами говорили; теперь можно только добавить объ этой несправедливости вашего учителя. Дѣянія соборовъ 1666 и 1667 г. предъ церковію заявили такъ: Θεодоритъ о томъ (то есть о двуперстіи) ничто же писалъ, зане велико истязаніе о томъ было во святой горѣ Аѳонстѣй въ лѣто 7156 (т. е. 1648 года). Подобнѣ яко же и въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, бысть крѣпкое истязаніе отъ преосвященныхъ великороссійскихъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, во святомъ Духѣ собравшихся въ лѣто 7174-е (т. е. 1666 г.). И не обрѣтесе въ Θεодоритовой книгѣ такое писаніе, но солгано на него, Θεодорита, отъ пѣкихъ суемудренныхъ и сокровенныхъ еретиковъ (Дѣян. собор. 1667 г., 3 гл.). А вашъ учитель будто-бы этой исторіи не знаетъ и баснословіемъ порицаетъ. Добросовѣстно-ли онъ такъ выражается?—Читай далѣе.

Ст. Такое баснословіе обличается тѣмъ, что до Никона всѣ русскіе христіане были по вѣрѣ единомысленны.

Пр. Споры и прѣ, и расколъ у насъ въ Россіи возникли при царѣ Алексіѣ не изъ-за вѣры, какъ вашъ учитель безсовѣстно вѣрою обычаи и обряды называетъ, но изъ-за различныхъ обычаевъ и обрядовъ, существовавшихъ у насъ въ Россіи, о которыхъ различныхъ обычаяхъ писатель „Стоглавника“ цѣлую книгу „Стоглавъ“ написалъ. Очевидно, онъ искалъ уменьшить у насъ въ Россіи разнообразіе существовавшихъ обрядовъ и обы-

чаевъ, но, вмѣсто того, наоборотъ, усугубилъ ихъ, набирая ихъ и отъ своего ума, даже отъ западной церкви, какъ видится по главамъ 31 и 60-й. Коснулся онъ и символическаго разнообразія, у насъ въ Россіи существовавшаго, и изрекъ: „иніи такъ глаголютъ Символь, а иніи этакъ“... Потомъ же изрекъ: а надо вотъ этакъ, т. е. едино глаголати: или „Господа“, или „истиннаго“. (Ст. 9 Гл.). Это разнообразіе мы и сами видимъ не только въ письменныхъ, но и въ печатныхъ книгахъ, въ которыхъ почти всякій ирмосъ и уставы написаны были на двѣ и на три редакціи, отъ чего и происходили внутри клира прія и раздоры еще до п. Никона, который и хотѣлъ-было не вѣру, а прю, чрезъ такое разнообразіе бываемую, упразднить. Вотъ что намъ показываетъ справедливая исторія того времени. Читай.

Ст. Наши современные историки засвидѣтельствовали, что вся масса русскаго народонаселенія принадлежала старообрядчеству, а соборомъ 1667 года старообрядчество отвергнуто окончательно и предано одному изъ строжайшихъ церковныхъ наказаній—проклятію. Соборъ 1666 г., осудивъ Никона, утвердилъ его новшества и произнесъ извѣстныя проклятія на старую вѣру.

Пр. Вашъ учитель, какъ видится, недоволенъ настоящей и справедливой церковной исторіей, кидается защищать свою лжу уже ложными выраженіями безбожниковъ въ газетахъ, ими распространяемыхъ, которыя газетныя выраженія вашъ учитель ложно называетъ яко бы какой-то исторіей. Но на сущемъ дѣлѣ, по исторіи видно, что на соборѣ 1667 г. проклинались не старая вѣра и ни старообрядчество, но ложно называемые старообрядцы, задолго до этого собора отступившіе отъ церкви и ея хулившіе нецерковіе, на которыхъ церковь и изрекла проклятіе, объясняя такъ: „А та клятва, еже писано въ книгѣ Жезлъ, падаетъ *точно* на протонона Аввакума, Лазаря и прочихъ ихъ единомыслениковъ и единомудренниковъ, и совѣтниковъ ихъ. (Соб. дѣя. 3 гл.). Стало быть, не старообрядчество или вѣра проклинались, а отступившіе отъ церкви старообрядцы. Читай..

Ст. Гордоумный Тульскій Щегловскій 20-го вѣка іеромонахъ (лжемонахъ) вчиняетъ себя выше и разумнѣе первыхъ пяти всероссійскихъ патріарховъ, которые, пріемля свидѣтельство священнаго Теодорита о двуперстномъ знаменіи за истинное благословили напечатать оное въ предисловіи Псалтиря и въ прочихъ святыхъ книгахъ.

Пр. Это не дивно назвать „гордоумный“: если бы вашъ учитель какую-либо правду сказалъ, вотъ было бы интересно это послушать отъ него; а такъ и дѣвольскіе слуги св. мучениковъ называли за непокореніе ихъ ко лжѣ и идолопоклонству—гордоумными. А того, чтобы пять патріарховъ Θεодоритово слово считали за истинное, этого ни откуда не видно... По исторіи ясно видно, что никогда патріархи не благословляли печатать Θεодоритово фальшивое „слово“ о двуперстіи, но самовольно оно отпечаталось любителями двуперстія, русскою интеллигенціею, ополчившеюся западнымъ двуперстіемъ, которое вторглось даже и въ Московскую типографію, о которомъ самоволи въ духовныхъ дѣлахъ, существовавшихъ въ то время, у насъ въ Россіи и писатель „Стоглава“ сказалъ (въ 11 главѣ).—Изъ исторіи видно, что корнемъ всему этому напечатанію о двуперстіи является князь Львовъ. Онъ въ то время былъ начальникомъ и завѣдующимъ типографіей (Церк. ист. 221): онъ, навѣрно, какъ по наслѣдству былъ зараженъ западнымъ двуперстіемъ. Очевидно, имъ же подбиты были подъ эту мысль и протопопы Іоаннъ Нероновъ, Аввакумъ и Θεодоръ дѣяконъ; и онъ съ ними вкупѣ во всѣ въ то время печатавшіяся книги внесъ и о двуперстіи, въ которыхъ прежде никогда этого не было написаннаго. Увлеченные же имъ протопопы, по грубости своей и отъ злобы, за смѣщеніе свое изъ типографіи Никономъ п. закоснѣли признаться предъ соборомъ и раскаяться въ самовольничествѣ. Знаю я, что вы крѣпко стоите за Стоглавый соборъ; но знайте, что этотъ соборъ всѣхъ этихъ ста главъ, будто-бы имъ написанныхъ, не говорилъ и не составлялъ. По всѣмъ признакамъ видно, что онъ составленъ и собранъ и отъ бывшаго собора при царѣ Иванѣ Грозномъ, и изъ различныхъ рукописей и книгъ, и отъ своего ума писецъ въ него вписывалъ главы, и сформировалъ онъ его аккуратно во сто главъ, и это было, какъ видится, уже въ послѣдствіи, послѣ бывшаго собора.

Ст. Почему?—

Пр. 1-е мое замѣчаніе. Если бы этотъ „Стоглавникъ“ написанъ былъ самимъ соборомъ, то присутствовавшіе бы на соборѣ не преминули бы заявить, въ какое время они начали его писать, по обычаю того времени, и когда его кончили, и сколько разъ они на это собирались. Очень понятно, что въ одинъ день всего этого написать невозможно. И при томъ, они бы всѣ, кто былъ

на соборѣ этомъ, должны были къ этому и подписаться, какъ обычно бываетъ на соборахъ; о каковомъ обычаѣ не умолчалъ даже и самъ писатель „Стоглава“ (въ главѣ 80-й). Къ этому же „Стоглаву“, не видится, кто-бы изъ епископовъ подписался, а лишь въ немъ, необычно собору, только такъ сказано,—что этотъ соборъ былъ, что на немъ были или присутствовали вотъ такіе и такіе епископы и митрополиты (Гл. 6). А такъ только выражаться сообразно постороннему лицу, а не собору самому.

2-е замѣчаніе. По 1, 2 и 3-й главамъ „Стоглава“ ясно видно, что писатель его въ этихъ трехъ главахъ прямо о себѣ самомъ заявилъ, что онъ былъ лишь зрителемъ этого собора и сказалъ о себѣ самомъ, какъ онъ радовался на это собраніе епископовъ,—какъ онъ свою радость и взглядъ на соборъ въ трехъ главахъ изложилъ. И это онъ сказалъ про соборъ тоже не сообразно дѣйствию самого собора, но пристойно отдѣльной личности.

3-е замѣчаніе. Если бы соборомъ написаны были и собраны всѣ эти сто главъ, то почему надъ 15-ю главами стоятъ оглавленія „соборный отвѣтъ“, надъ всѣми же прочими главами этихъ оглавленій нѣтъ? Навѣрно, писатель „Стоглавника“ съ малою совѣстію былъ,—посоветился самимъ имъ составленныя главы озаглавливать, какъ „соборный“ отвѣтъ.

4-е замѣчаніе. Писатель „Стоглавника“ пиша 11-ю главу“, въ концѣ ея описывая самоволіе и самочиніе, въ то время бывшее у насъ въ Россіи, въ писаніи и духовныхъ дѣлахъ, въ которомъ самочиніи, очевидно, онъ зазрѣлъ и самого себя, навѣрно, чрезъ имъ же пишемый „Стоглавникъ“, сказалъ: „увы, яко же и азъ!“ т. е. самочинничаю. Послѣ этого спрашивается: мыслимо ли и съ чѣмъ сообразно собору о себѣ самомъ такіа слова выражать—„увы, яко же и азъ!?“. Да, въ дѣйствительности отъ бывшаго у насъ въ Россіи самочинія слова, сказанныя писателемъ „Стоглавника,—увы! збылись на дѣлѣ...

5-е замѣчаніе. Какъ вся 69-я глава, такъ же и другія, ясно, что не соборомъ сказанныя слова. Напримѣръ: „не вѣмъ, какъ уставися, кромѣ священныхъ правилъ“.—Не вѣмъ, это слово отъ собора не можетъ происходить...

6-е замѣчаніе. Писатель „Стоглавника“, въ сотовой главѣ самого себя ясно открылъ, когда говоритъ: вотъ это—говорилось на соборѣ, а вотъ это не говорилось... Онъ даже сказалъ про соборъ по-бѣлорусски такъ: „О Антимисѣхъ молвлено, изъ большой

церкви полполтины, съ теплою церкви и съ придѣла пять алтынъ, а съ выставки не молвлено“, т. е. на соборѣ о этомъ не говорилось. Наконецъ, онъ уже ясно самъ узаконяетъ и сказуетъ такія слова: „тоже бы пять алтынъ имати“. Навѣрно, онъ угождалъ царю въ поборахъ съ церковей, какъ опричникъ. И вотъ, чрезъ всѣ такія и подобныя выраженія, ясно, что „Стоглавъ“ писанъ не соборомъ, а отдѣленною личностію и, какъ видится изъ словъ его, послѣ уже собора. Онъ написанъ не похоже на соборныя дѣянія, и при томъ, онъ почему-то не на московско-русскомъ того времени нарѣчіи написанъ, но на бѣлорусскомъ, полупольскомъ, навѣрно писалъ это какой-либо дьякъ изъ царской опрични.

Ст. Ну, довольно! Это ты одинъ такъ только понимаешь: даже ваши и полемисты и то такъ не понимаютъ.

Пр. Мало-ли на что полемистами не было обращено слѣдуемаго вниманія, по внимательные люди давно уже о этомъ заявляли.

Ст. Какіе же это такіе внимательные люди, напримѣръ?

Пр. Есть книга, навываемая „Москвитянинъ“, за 1845 годъ, за № 12-мъ, въ ней о семъ написано. Тоже замѣчаетъ и церковный историкъ, Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ Черниговскій въ своей Церковной исторіи (3 часть, 201-я страница). Кажется, довольно съ васъ,—пора и окончить бесѣду: довольно поговорили...

Ст. Пора-то пора,—только разговоры-то твои такіе, какіе мы въ первый разъ слышимъ: ишь, что ты наговорилъ-то, будто-бы и „Стоглавъ“ написанъ не соборомъ; это что-то чудно...

Пр. Не слыхали, такъ вотъ теперъ услышали; а услыхавши, вы должны обратить на это свое справедливое вниманіе, а не на людей, какъ вы привыкли, полагаться. Прощайте.

Ст. Прощай.

Иеромонахъ *Θома*.

Богородичный монастырь,
что въ Щегловѣ.

Нравственное міросозерцаніе Генриха Ибсена.

(Окончаніе).

III.

Если нравственные устои жизни имѣютъ такое важное для нея значеніе и соблюденіе или нарушеніе ихъ равносильно постановкѣ роковаго для жизни вопроса „быть или не быть“, то конечно всякій мыслящій и разумный человѣкъ долженъ поставить дѣлью своей жизни проведеніе этихъ законовъ въ жизнь и устраненіе съ поля ея лжи и насилія, которыя, какъ ржа желѣзо, съѣдають жизнь. И среди героевъ Ибсена очень много такихъ лицъ, самотверженныхъ идеалистовъ, которые въ большей или меньшей мѣрѣ страдаютъ, по выраженію Ибсена, „изнурительной лихорадкой справедливости“. Для этихъ избранниковъ творчества Ибсена „правда“—есть верховный критерій жизни; они жаждутъ этой правды—истины и правды—справедливости, почти какъ страстотерпцы. Только, къ сожалѣнію, эти идеальныя требованія ихъ рѣдко увѣнчиваются успѣхомъ: какъ морскія волны разбиваются о каменный глухой берегъ, такъ и безкорыстные исканія и труды этихъ людей разбиваются о людскую тупость, пошлость, мелочность, черствость. Задачи ихъ жизни оказываются непосильной ношей, неосуществимой идеей; для этихъ героевъ наступаетъ кризисъ: жизнь ихъ становится ненужною, лишнею, и они принуждены свести съ нею окончательные расчеты.

Съ такими людьми мы уже немного знакомы: такова, напр., Лона Гессель въ „Столпахъ Общества“. Правда, ея идеальная миссія, хотя и доставила ей много страданій, но все же окончилась благополучно. Зависѣло это оттого, что обращенный ею на путь добра Берникъ былъ не-дюжинной натурой, прозрѣвшей и оказавшейся способной выбраться изъ *топкого болота лжи и неправды на твердую почву справедливости* и невинности. Но много ли такихъ лицъ, какъ Берникъ? Они такъ же рѣдки, какъ исключительны и избранники—идеалисты, носители идеаловъ. Большинство же, по выраженію Ибсена (Штокмана), „сырая масса, грубая и невѣжественная, почти что звѣри,—всѣ отъ перваго до послѣдняго—самые настоящіе звѣри“. Правдѣ—истинѣ

остається въ удѣлѣ только блистать, сіять, тѣшить взоръ, ласкать слухъ, но не согрѣвать и преобразовывать жизнь. Какой моральный ужасъ и какое гнетущее впечатлѣніе производитъ на избранника—идеалиста тотъ фактъ, что проповѣдываемая имъ правда жизни, терпитъ пораженіе,—отвергается, попирается, или вызываетъ только глумленіе! Эти идеи пессимистическаго характера проводятся Ибсеномъ особенно въ его драмахъ: Дикая утка, Врагъ народа, Брандъ, къ разсмотрѣнію которыхъ теперь и перейдемъ.

Въ „Дикой Уткѣ“ идеалистъ Грегерсъ терпитъ крушеніе, между прочимъ, потому, что имѣетъ дѣло съ ничтожною личностью (какихъ миллионы)—болтуномъ Гіальмаромъ.

Вотъ фактическое содержаніе драмы.—Коммерсантъ Верлэ и лейтенантъ Экдалъ занялись вырубкой казеннаго лѣса. Экдалъ проворовался, былъ судимъ и разоренный, обезпеченный принужденъ былъ влечить жалкую жизнь переписчика въ конторѣ Верлэ, который считалъ себя нравственно виновнымъ въ судьбѣ Экдала; почему Верлэ считаетъ себя и обязаннымъ обезпечить какъ нибудь жизнь Экдала съ семьей. Кромѣ переписки, онъ даетъ сыну Экдала—Гіальмару денегъ на заведеніе фотографіи. Гіальмаръ занимается ею и тѣмъ кормитъ свою семью: у него жена Гина и дочь Гедвига. На Гинѣ онъ женатъ также благодаря Верлэ: она была прежде эконожкой въ его домѣ, но когда обстоятельства сдѣлали невозможнымъ пребываніе ея въ домѣ Верлэ, послѣдній, чтобы „прикрыть свой постыдный грѣхъ“, пристраиваетъ ее за Гіальмара. Гіальмаръ остается въ невѣдѣніи. Такъ проходитъ 15 лѣтъ. Живутъ они въ согласіи. Гина оказалась хорошей, любящей женой. Она и дочь Гедвига помогаютъ Гіальмару въ черновой работѣ по фотографіи; но въ сущности онѣ только и зарабатываютъ деньги и кормятъ его, потому что онъ возмнилъ себя великимъ человѣкомъ, способнымъ сдѣлать открытія по фотографіи, и всю обычную работу возложилъ на жену и дочь, а самъ навывисалъ себѣ книгъ, которыя лежатъ неразрѣзанными, гуляетъ съ пріятелями и болтаетъ безконечные разговоры на тему о своемъ будущемъ открытіи, которое вернетъ его семьѣ прежній почетъ и обезпеченіе. Съ нимъ живетъ и старый отецъ его лейтенантъ Экдалъ. У него есть слабость къ охотѣ. И вотъ сынъ дѣлаетъ ему такое затѣйливое удовольствіе, удовлетворяя его страсть къ охотѣ.—Квартира ихъ помѣ-

щается на верхнемъ этажѣ въ одномъ изъ уголковъ большого дома, около входа на чердакъ, который оказывается къ ихъ услугамъ. И тамъ то Экдаль помѣстилъ кроликовъ, куръ, голубей и между прочимъ „дикую утку“. За кроликами старикъ Экдаль ходитъ на чердакъ охотиться, даже стрѣляетъ ихъ, а дикой уткой забавляется. Утку эту подарилъ имъ Верлэ: она была подстрѣлена на болотѣ, пошла ко дну, уткнулась въ тину, но собака, нырнувъ за ней, извлекла ее оттуда. И вотъ утка оказалась на чердакѣ, сидитъ въ корзинѣ, „разжирѣла“ и забыла свою волю,—широкій просторъ и голубое небо.

Эпизодъ съ дикой уткой имѣетъ въ драмѣ, какъ увидимъ, символическое значеніе. Дикую утку все любятъ, и даже самъ Гіальмаръ интересуется его больше, чѣмъ своею фотографіей.

Въ такую—то обстановку попадаетъ идеалистъ Грегерсъ—сынъ Верлэ. Онъ любитъ Гіальмара, какъ друга дѣтства, но не прозрѣваетъ пока его пустоты и воображаетъ, что онъ геніальный человѣкъ, но завязшій въ тенетахъ жизни, какъ дикая утка въ болотной тинѣ, что онъ рвется изъ нея, но не можетъ вырваться безъ чужой помощи. Грегерсъ знаетъ, что въ основѣ семейной жизни Гіальмара лежитъ ложь, а стѣсненная матеріальной нуждой жизнь и такіе низменные интересы, какъ охотничій темный чердакъ, могутъ въ конецъ погубить Гіальмара. И Грегерсу захотѣлось, по его выраженію, быть „быстроногой собакой, такой, какая ныряетъ за дикими утками“. Грегерсъ мечтаетъ о томъ, какъ онъ выяснитъ истину Гіальмару о его семейной жизни и тѣмъ возродитъ его. „Я постараюсь вытянуть тебя на поверхность“—ободряетъ онъ Гіальмара. „Вытянуть на поверхность“—по мнѣнію Грегерса, значить—полнымъ раскрытіемъ правды вызвать въ душѣ Гіальмара психологическій кризисъ: устранить темную преграду или скрывавшуюся между мужемъ и женой ложь, отдалявшую ихъ долгое время другъ отъ друга, пробудить въ сердцѣ Гіальмара чувство прощенія къ своей виновной женѣ,—простить ее, хотя бы уже по одному тому, что она заслужила это прощеніе своей пятнадцатилѣтней честной, совмѣстной трудовой жизнью,—заставить Гіальмара пережить этотъ спасительный душевный подвигъ, чтобы затѣмъ уже построить жизнь заново на хорошихъ, честныхъ началахъ любви къ виноватой, когда люди могутъ открыто и честно смотрѣть въ глаза другъ другу.—Высокая, очаровательная идея! Но, увы! она

легла непосильнымъ бременемъ на плечи ничтожнаго Гіальмара. Онъ оказался дѣйствительно дикой уткой, но только уткой другого типа,—той, какая у него жила на чердакѣ,—которая забыла, что такое настоящая вольная жизнь съ широкимъ просторомъ и голубымъ небомъ, или, въ отношеніи къ человѣку—жизнь на началахъ правды и достоинства; Гіальмаръ оказался такой дикой уткой, которая способна жить въ неволѣ, которая удовлетворяется корзиной и способна въ ней даже „жирѣть“ на готовыхъ кормахъ. Этого не понялъ напередъ Грегерсъ и своимъ открытіемъ семейной лжи только разбилъ въ конецъ жизнь Гіальмара. Перерожденіе его оказалось миражемъ. Когда онъ узналъ прошлое жены, то онъ остановился мыслию только на ея бывшей винѣ, а не оказался способнымъ, въ виду многихъ искупляющихъ ее обстоятельствъ, на подвигъ прощенія. Онъ гонитъ съ своихъ глазъ жену и дочь, объявляетъ, что уйдетъ отъ нихъ. Любящая жена страдаетъ, обожающая Гіальмара дочь не выноситъ горя и убиваетъ себя изъ пистолета на чердакѣ, около дикой утки, а Гіальмаръ въ концѣ концовъ остается все же дома въ качествѣ паразита или зажирѣвшей дикой утки, на готовыхъ кормахъ жены.

Итакъ, вмѣсто торжества идеальное стремленіе Грегерса потерпело крушеніе и не потому, чтобы онъ былъ неправъ, а потому, что глуха и неспособна къ принятію этой идеи оказалась среда, въ которой дѣйствуетъ Грегерсъ. Въ результатѣ вышло такъ, что идеальныя требованія Грегерса практически принесли вредъ.—„Жизнь могла бы быть очень недурной, если бы мы только были избавлены отъ людей, вторгающихся къ намъ съ своими идеальными требованіями“—слышитъ въ обличеніе себя Грегерсъ. И ему остается признать, что онъ *лишний* на землѣ человѣкъ; „мое назначеніе“—говоритъ онъ—„быть тринадцатымъ за столомъ жизни“.

IV.

Идейная борьба только причиняетъ страданія, и она особенно тяжела потому, что общество относится обыкновенно враждебно къ такимъ борцамъ. Какъ бы они ни выставляли себя друзьями народа, онъ не пойметъ ихъ,—ихъ идеальныя выступленія онъ принимаетъ за оскорбительный вызовъ по отношенію къ себѣ и готовъ видѣть въ нихъ не друзей, а „*враговъ народа*“.

Эта мысль слишком рельефно выражена въ слѣдующей драмѣ: „Врагъ народа“ или „Докторъ Штокманъ“.

Въ одномъ изъ глухихъ городовъ при фіордѣ—передается въ драмѣ—городское общество устроило курортъ, такъ какъ воды фіорда въ этой мѣстности оказались цѣлебными. Въ устройствѣ курортныхъ купаленъ принимали участіе городской докторъ Штокманъ, братъ его — бургомистръ и другіе крупные и зажиточные горожане. Отчего благосостояніе города упрочилось, и въ городъ потекли отъ пациентовъ большіе доходы. Но вотъ завѣдующій купальнями докторъ Штокманъ начинаетъ подозрѣвать, что вмѣсто здоровья эти купальни распространяють заразу, такъ какъ въ нихъ съ горь, изъ вышележащаго болота стекаетъ ядовитая грязь, со всякими зловредными міазмами. Но дѣло можно поправить, если перестроить водопроводы и изолировать купальную воду отъ стекающихъ въ нее міазмовъ. Свое открытіе о купальняхъ, подкрѣпленное научными изслѣдованіями столичныхъ лабораторій, докторъ Штокманъ хочетъ обнародовать въ мѣстной либеральной газетѣ,—съ тѣмъ, чтобы побудить городскія власти на переустройство купаленъ, и тѣмъ оздоровить городъ. Докторъ Штокманъ счастливъ отъ сознанія, что онъ можетъ оказать такую услугу своему родному городу, являясь воистину *другомъ* своего народа. Сначала его сторону принимаетъ редакторъ мѣстной либеральной газеты Гофстадъ и съ поспѣшностью принимается за напечатаніе открытія доктора. Послѣдній спѣшитъ передать о своемъ открытіи и брату бургомистру, ища его сочувствія и поддержки.

Но бургомистръ вдругъ посмотрѣлъ на это дѣло съ другой стороны,— не идеальной, а практической. Открытіе доктора онъ признаетъ опаснымъ для благополучія города: вѣдь съ опубликованіемъ его должны быть закрыты купальни, а стало быть должны будутъ и прекратиться доходы города; а проектируемая перестройка водопроводовъ потребуетъ громадныхъ городскихъ расходовъ,— такъ что въ томъ и другомъ случаѣ городу, а въ особенности капиталистамъ, вложившимъ въ курортъ свои капиталы, грозитъ разореніе. Идеальное открытіе оказывается крайне негоднымъ. И противъ доктора Штокмана поднимается и гражданская власть, и буржуазная масса.

Но это противоdѣйствіе только подогрѣваетъ его идеализмъ и возбуждаетъ большую настойчивость въ достиженіи цѣли. Энту-

зіать докторъ увѣренъ, что на его сторонѣ будетъ сплоченное большинство, и кучка городскихъ воротилъ его не одолѣеть. „Какое счастье—говорить онъ—чувствовать себя въ братскомъ единеніи со своими гражданами“. Чувствуя опасность надвигающейся для семейнаго благополучія грозы, жена доктора предостерегаетъ его и совѣтуетъ, не отказаться ли отъ опубликованія открытія, чтобы не потерять мѣста и насущнаго куска хлѣба. Но онъ неукротимъ: онъ не можетъ допустить, по его выраженію, „чтобы благосостояніе города основано было на безнравственныхъ преступныхъ сдѣлкахъ, чтобы вся цвѣтушая общественная жизнь построена была на обманѣ“... „Я такъ люблю—говоритъ онъ—свой родной городъ, что предпочелъ бы разорить его, чѣмъ видѣть, какъ онъ процвѣтаетъ на лжи“!... Честный „свободный человѣкъ не имѣетъ права валяться въ грязи, какъ собака; не говорить правды и скрывать истину—тоже, что самому себѣ плюнуть въ глаза“; „человѣческая низость не должна зажать ротъ патріоту, который стремится очистить общество“... вскрывая истину, „я хочу имѣть право смотрѣть прямо въ глаза моимъ сыновьямъ, когда они вырастутъ большими“. Но этого энтузіаста ждетъ горькое разочарованіе. Прежде всего ему измѣняетъ редакторъ Гофстадъ и его либеральные товарищи, отказывая ему напечатать въ газетѣ его открытіе. Эта либеральная газетная клика только драпируется въ красивый нарядъ истины и справедливости, а на самомъ дѣлѣ она грубо эгоистична и прежде всего дорожитъ интересами кармана. И газету свою она ведетъ, примѣняясь прежде всего „ко вкусамъ публики“, „держа—какъ говорятъ,—носъ по вѣтру“. И какъ только Гофстадъ узнаетъ суть дѣла отъ бургомистра, онъ „страха ради іудейска“ и не смѣя измѣнить своему идолу—золотому тельцу, сейчасъ же перемѣняетъ фронтъ и вмѣсто предполагавшейся статьи доктора о купальняхъ, печатаетъ официальное разъясненіе бургомистра къ успокоенію публики,—что все-де обстоитъ благополучно, тревожиться ходячими о купальняхъ слухами не слѣдуетъ, а нужныя кое-какія исправленія и улучшенія съ удовольствіемъ будутъ для общаго блага сдѣланы.

Тогда докторъ рѣшается на отчаянный шагъ. Ради торжества истины онъ хочетъ отпечатать брошюру о водолѣчебницѣ на свой счетъ, хотя онъ человѣкъ крайне бѣдный. Но ему отказываетъ въ этомъ содержатель типографіи; онъ хочетъ сказать рѣчь въ

общемъ городскомъ собраніи; но общественное управленіе отказываетъ ему въ помѣщеніи. Наконецъ, такое помѣщеніе ему удается получить у единственнаго, оставшагося ему вѣрнымъ, друга капитана. Но прежде чѣмъ состоялось это собраніе, враги доктора уже вооружили противъ него городскую массу, представивъ его человѣкомъ ненормальнымъ и опаснымъ для города, — „врагомъ народа“, стремящимся къ его разоренію, даже революціонеромъ, который подъ предлогомъ исправленія водолѣбницы стремится на самомъ дѣлѣ къ ниспроверженію существующаго государственнаго строя.

Такой оборотъ приняло идеальное и невинное начинаніе доктора Штокмана, и онъ, придя на собраніе, видитъ, что ему приходится говорить здѣсь уже не о зараженіи курортныхъ источниковъ, а о томъ, что всѣ источники человѣческой жизни отравлены, и все общество стоитъ на зараженной почвѣ. И онъ разражается въ собраніи пламенной рѣчью, гдѣ не столько винить представителей гражданской власти, которая суть плоть отъ плоти самаго общества, сколько это послѣднее. „Не онѣ—власти—громить онѣ —отравляютъ нашу духовную жизнь, не онѣ—самые опасные враги истины и свободы въ нашемъ обществѣ; а самый опасный врагъ истины и свободы въ нашей средѣ, это—сплоченное большинство, это проклятое либеральное большинство“, со всѣми его либеральными газетами и идейными выкриками. „Большинство—никогда неправо“, истина—удѣлъ немногихъ передовыхъ единицъ; большинство имѣетъ силу, къ несчастію, но не право. Оно-то и отравляетъ нашу духовную жизнь въ самомъ источникѣ“ и „хочетъ обосновать свою будущность на трясинѣ лжи и обмана“.

Слушая такую рѣчь, горожане недоумѣваютъ, и въ объясненіе ея пускаются на своеобразныя предположенія: одинъ говорить, что докторъ запиваетъ, другой—что онъ тронутъ умомъ, а третій просто говорить, что доктору отказали въ прибавкѣ жалованья. Въ концѣ собранія доктору выносятся слѣдующая резолюція, составленная путемъ закрытой баллотировки: „за исключеніемъ одного человѣка и того нетрезваго, настоящее собраніе единогласно объявляетъ курортнаго врача, доктора Томаса Штокмана „врагомъ народа“. Затѣмъ толпа устраиваетъ доктору уличный погромъ, администрація города отказываетъ ему отъ должности, дѣтей выгоняютъ изъ школы, знакомые и родные всѣ отъ

него отвертываются, и онъ остается *одинъ*, поддерживаемый только своей семьей. „Теперь—заключаетъ многозначительно докторъ— я одинъ изъ сильнѣйшихъ людей во всемъ мірѣ... видите ли въ чемъ дѣло, — объясняетъ онъ свои слова — самый сильный человекъ въ этомъ мірѣ тотъ, кто болѣе всѣхъ одинокъ“. — Тѣмъ и заканчивается драма.

Не мѣшаетъ обратить вниманіе на это многозначительное заключеніе драмы. Описывая пораженіе своего героя, Ибсенъ однако вѣнчаетъ его не какъ пораженного, а какъ побѣдителя. Въ пораженіи — побѣда! Великая идея: личное неблагополучіе одного служителя идеаловъ создаетъ прочную основу для будущаго духовнаго благополучія многихъ. „Горе побѣжденнымъ“! — говорили древніе; „горе побѣдителямъ“! — говоримъ мы нынѣ и увѣнчиваемъ людей, полагающихъ жизнь за добро, вѣнцомъ славы и преклоненія. Да, безкорыстные служители идеи теряютъ все въ мірѣ семъ, міръ ихъ не любитъ, мучить, гонить, но самъ онъ доселѣ только потому и существуетъ, что *стоитъ на этихъ праведникахъ*; только благодаря имъ, люди еще вѣрятъ въ добро, его силу и не отчаиваются въ борьбѣ со зломъ. Только благодаря такимъ людямъ, *не стирается* еще въ человѣческомъ сознаніи различіе между добромъ и зломъ, добро не принижается до зла, и не потухаютъ еще истинно-человѣческіе идеалы. Нѣтъ, человекъ долженъ высоко нести знамя идеаловъ и не входить ни въ какіе компромиссы и сдѣлки съ прозаическими интересами грубой массы. Эта идея, затронутая Ибсеномъ въ предыдущей драмѣ, съ еще большей рельефностью развивается въ его драматической поэмѣ „Брандъ“. На развитіе этой идеи Ибсенъ удѣляетъ много вниманія и любви; видимо, что здѣсь затрогивается личный интересъ автора, и вся поэма эта имѣетъ до нѣкоторой степени автобіографическій характеръ.

Въ „Брандѣ“ авторъ ставитъ вопросъ не только о судьбѣ героев-идеалистовъ, но и о судьбѣ самыхъ идеаловъ. Что герои обычно погибаютъ, это — явленіе обычное; что причина ихъ пораженія лежитъ въ людской тупости, несовершенствѣ и нежеланіи совершенствоваться, такъ какъ зло обычно не любитъ добра, какъ слабое зрѣніе яркій свѣтъ, это — истина тоже извѣстная. Но мо-

жетъ быть это объясненіе хотя и вѣрно, но недостаточно? Можетъ быть, есть еще причины, препятствующія реализаціи идеаловъ? Можетъ быть, они фактически неприменимы и неосуществимы въ жизни, можетъ быть человѣческой природѣ свойственно только мечтать о нихъ; а человѣкъ, какія бы силы ни употреблялъ, даже „преизбытокъ воли“, по выраженію Бранда, но, все равно, это—только безплодный подвигъ для торжества идеаловъ, а они, одинаково, терпятъ крушеніе? Нѣтъ ли здѣсь *нравственной антиноміи*, въ родѣ безконечности конечнаго міра и прочихъ антиномій чистаго разума, когда нравственная возможность, сталкиваясь съ дѣйствительностью, приходятъ въ непримѣримое взаимное противорѣчіе? Вопросъ, какъ видимъ, роковой.— Но перейдемъ къ самой драматической поэмѣ.

Герой поэмы—Брандъ, сельскій священникъ,—простолудинъ по происхожденію, онъ свободно, подъ личной отвѣтственностью и съ чувствомъ невинности,—этими непремѣнными по Ибсену нравственными условіями, возлагаетъ на себя, какъ крестъ, пастьерскій подвигъ съ цѣлю религіозно-нравственнаго обновленія людей. Онъ обладаетъ желѣзной волей, пламеннымъ краснорѣчіемъ и самоотверженіемъ и твердой вѣрой въ свое призваніе. Это—какъ бы пророкъ въ духѣ и силѣ Іліи или Іереміи. Онъ замышляетъ что-то въ родѣ крестоваго похода и хочетъ отправиться съ унылаго и малокультурнаго сѣвера Норвегіи на югъ, гдѣ онъ можетъ найти себѣ широкое поле дѣятельности. Съ самаго начала своей дѣятельности надъ своей личной жизнью онъ ставитъ крестъ, и страха смерти для него не существуетъ. „Если Богу угодно—говоритъ онъ—послать мнѣ смерть, привѣтствую ее и никакія бездны мнѣ не страшны“. Если-бъ я могъ привести васъ къ Богу—говоритъ онъ толпѣ—я кровь бы свою за-то пролилъ охотно“. Его возмущаетъ то, что люди отдѣлились вѣру отъ жизни, низвели религію до служебнаго орудія своимъ низменнымъ цѣлямъ и принизили до своей пошлости самый образъ абсолютнаго Божества. „Вашъ Богъ—говоритъ Брандъ—имѣетъ ликъ добродушный, но строгій, настолько, чтобы дѣтей прогнать въ постель;... вы исказили ученіе Христа... вамъ нужно снисходительнаго Бога, чтобы сквозъ пальцы онъ на васъ смотрѣлъ... Но мой Богъ другой! Мой Богъ—ураганъ, а вашъ—лишь вѣтеръ, мой непреклоненъ, вашъ лишь равнодушенъ, мой милосердъ, а вашъ простой добрякъ, который позволяетъ съ собой торговаться... Мой Богъ

вѣчно юнѣ, могучѣ;... и безъ числа Онѣ чудеса творилѣ бы, если бы челоуѣчество до-нынѣ не оставалось вялымъ и трусливымъ“. „Бога — продолжаетъ Брандъ — люди любятъ называть любовью. Но какое слово загрязнено и опошлено больше, чѣмъ слово любви“? Всѣ свои слабости, пороки, капризы и страсти люди хотѣть прикрывать этимъ словомъ; „Господь милосердѣ“ — говорятъ они — и не взыщеть съ насъ строго“. Какая здѣсь ложь! Всю тяжесть своихъ грѣховъ хотѣть взвалить на одного Того, Кто посланъ былъ Отцомъ на землю для искупленія грѣховъ, а себѣ оставляютъ только игры, да танцы; получили отъ Христа молитву „Отче нашъ“, но твердятъ изъ нея лишь четвертое прошеніе, какъ пароль свой и лозунгъ. Вотъ какого Бога чтутъ люди, и Брандъ хочетъ развѣнчать этого веселаго Бога, поразить и похоронить его; а вмѣсто него научить людей поклоняться своему Богу, поднять религію изъ подчиненнаго положенія житейскимъ интересамъ, слить вѣру и жизнь во-едино, такъ чтобы жизнь и служеніе Богу были одно.

На мѣсто нынѣшнихъ слабыхъ людей, Брандъ мечтаетъ „создать новыхъ, цѣльныхъ“; „тупоуміе людское унизило духъ челоуѣческій и измелчило, но мы опять изъ тѣхъ обломковъ мелкихъ создать нѣчто цѣлое должны, дабы, какъ божескій вѣнецъ творенія, явился новый молодой Адамъ“. Никакая дробность и раздвоенность не должна имѣть въ немъ мѣста; получивъ опредѣленную цѣль жизни, „челоуѣкъ не долженъ ни за что отклоняться съ своей дороги, хотя бы ему встрѣтилось море“; нельзя служить двумъ господамъ: своимъ страстямъ и Богу; цѣль жизни для всѣхъ одна: „служить скрижалю Богу, чтобы могъ онъ начертать на ней, что пожелаетъ“! Самоотверженіе для Бога, это — первый долгъ; „пустъ все вы дали, — говоритъ Брандъ — но коли жизнь вы пожалѣли, то знайте — бесполезна жертва ваша“. И самоотверженіе должно быть совершенно добровольнымъ, иначе оно не имѣетъ никакой цѣны. „Не въ крестной смерти или въ самыхъ мукахъ твой подвигъ, а въ томъ, чтобы непреклонно хотѣть той смерти, хотѣть не взирая на предсмертный страхъ, и лишь этимъ, именно добровольностью подвига ты спасенія достигнешь“. *Все или ничего* — вотъ девизъ жизни Бранда и въ этихъ трехъ словахъ онъ предъявляетъ сокращенно свои идеальныя требованія къ другимъ, осуществляя ихъ предварительно самъ.

Таковы идеалы Бранда, и онъ неудержимо стремится провести ихъ въ жизнь. Предъ нами исполинъ, могучій богатырь духа; но и такая, повидимому, несокрушимая, сила терпитъ поражение; и на протяженіи всей драмы читателя не оставляетъ роковая мысль: можетъ быть Брандъ ошибается, можетъ быть его требованія къ людямъ излишни и потому напрасны.

Для ясности мысли передадимъ съ возможной краткостью фактическую сторону поэмы.

Бранду не удастся отправиться на югъ Норвегіи: онъ остается тутъ на сѣверѣ, на своей родинѣ, по просьбѣ прихожанъ. Общія симпатіи онъ привлекаетъ въ то время, какъ въ бурю одинъ отправляется чрезъ бѣснующійся фіордъ напутствовать умирающаго. Съ нимъ никто, боясь потерять жизнь, не рѣшился сѣсть въ лодку, а только одна самоотверженная дѣвушка Агнесъ отважилась помогать ему, сѣвъ у руля. Послѣ Агнесъ становится женой Бранда, рѣшившись самотверженно, не смотря на предупрежденія Бранда о ея будущей суровой жизни, слѣдовать за нимъ. Какъ ни тяжела жизнь Бранда и Агнесъ на суровомъ сѣверѣ, въ горахъ, гдѣ солнце бываетъ видно только на нѣскольکو лѣтнихъ дней,—жизнь въ трудахъ, холодѣ, мракѣ и нуждѣ, однако они оба истинно счастливы. Въ лицѣ Агнесъ Брандъ нашелъ себѣ твердую опору. „Знай, Агнесъ,—говоритъ онъ—такъ дѣлать взаимно долгъ и есть основа, смыслъ и сущность брака; одинъ ведетъ суровую борьбу, другая лѣчитъ жизненные раны“. Счастье ихъ увеличивается, когда у нихъ рождается сынъ Альфъ. Но волна благополучія скоро падаетъ, и Бранда начинаютъ посѣщать жестокія испытанія,—одно тяжелѣе другого; для него наступаетъ полоса страданій и величавый образъ этого богатыря духа становится болѣе жизненнымъ, привлекательнымъ и близкимъ средцу читателя. Оказывается, въ немъ не одна жизненная воля и сухая мысль, но въ немъ и чуткое сердце, способное къ любви и страданію; и онъ, какъ цѣльный человѣкъ, а не холодная статуя, не разъ, сгибаясь подъ тяжестью страданій, обливается горькими человѣческими слезами.

Прежде всего онъ расходится съ своею родной матерью, скупой старухой, посвятившей свою жизнь на скопленіе денегъ, между тѣмъ какъ Брандъ требовалъ полного отъ нихъ отреченія,—во имя своего девиза: *все или ничего*. Затѣмъ у Бранда умираетъ отъ суроваго климата единственный сынъ, хотя Брандъ

могъ бы и спасти его, если бы, ища своей личной выгоды, онъ перемѣнилъ свой сѣверный приходъ на южный. Но онъ не могъ измѣнить своему долгу и для торжества своего принципа: *все или ничего* рѣшился пожертвовать сыномъ. Потери сына не можетъ перенести Агнесъ. Страдая по немъ, она доходитъ до галлюцинацій. Несчастливая мать все свое сокровище видитъ теперь только въ оставшихся вещахъ своего умершаго мальчика; часто разсматриваетъ ихъ и этимъ утѣляетъ душевную скорбь. Но по мнѣнію Бранда, эти дѣтскія вещи стали кумиромъ для Агнесъ, и онъ убѣждаетъ ее отдать ихъ прохожей цыганкѣ съ голышемъ ребенкомъ,—только отдать ихъ добровольно, съ яснымъ сознаніемъ необходимости этой жертвы, а не потому только, что этого желаетъ Брандъ... Агнесъ исполняетъ съ болью въ сердцѣ его предложеніе. „Все отнято у меня“—говоритъ она теперь,—„растоптана въ конецъ вся личная жизнь... я свободна, Брандъ, вполне.... и мнѣ вспоминается теперь древнее изреченіе: „Кто Господа увидитъ, тотъ умретъ“. Иначе говоря, она хочетъ сказать, что Богъ Бранда теперь ей сталъ вполне понятенъ, его требованіе: *все или ничего* ею выполнено; она побѣдила, но эта побѣда лишила ее силъ, высосала всѣ ея соки: ей не для чего стало жить, осталось только умереть. И..... она дѣйствительно умираетъ. Новая, ужасная и незнаградимая для Бранда потеря!

Но Брандъ, хотя и надломленъ страданіемъ, а своему долгу жизни не измѣняетъ. Онъ опять ищетъ великаго дѣла и начинаетъ строить на оставшіяся послѣ его матери крупныя суммы церковь для своего прихода,—большую свѣтлую, гдѣ бы собираясь съ своей паствой, онъ удобнѣ могъ достигать своей цѣли—слить во едино жизнь и служеніе Богу. Церковь готова, назначается ея освященіе, и тутъ же предполагается чествовать Бранда рѣчами, вѣнками и орденомъ. Пріѣзжаетъ епископъ или, по мѣстному наименованію, „пробстъ“. Къ ужасу своему Брандъ видитъ, что изъ его великаго дѣла вышла только одна красивая затѣя. Народъ плѣняется церковью, какъ новинкой, и шутиа находятъ въ ней себѣ утѣху, а вовсе не переживаетъ того религіознаго подъема, о какомъ, какъ единой цѣли, мечталъ Брандъ. Пробстъ, похваливъ работу Бранда, указываетъ на ея большое государственное, т. е. земное, а не духовное значеніе, такъ какъ около этой новой церкви лучше будетъ единиться приходъ, и съ него удобнѣ будетъ взимать налоги и подати. Тутъ же кстати

пробѣ даетъ урокъ Бранду, чтобы онъ не „слишкомъ ломалъ копыя за право личности“; излишняя идеальность вредна; надо „идти себѣ молчкомъ, рядами да шеренгами“, всѣмъ вмѣстѣ, — и пистмю и великану; всякому „нужно надѣть мундиръ своей эпохи“; „зданію любому суждено рухнуть, если оно къ звѣздамъ небеснымъ рвется“. — Такимъ образомъ, изглоданный тайною скорбью, съ разбитымъ, какъ треснувшій сосудъ, сердцемъ, Брандъ встречаетъ только непониманіе и глумленіе. „О, какъ ужасно одинокимъ быть, всюду видя смерть одну“ — говоритъ онъ; „я умолю о кусочкѣ хлѣба, а мнѣ въ отвѣтъ подадутъ твердый камень“.

Предполагавшагося торжества при освященіи церкви не состоялось. Вмѣсто него Брандъ, обратившись къ толпѣ съ пламенной — символической рѣчью, говоритъ ей о безпредѣльномъ Божіемъ крамѣ — великомъ мірѣ, о служеніи жизнью Богу, о духовномъ священствѣ каждого человѣка, о великомъ пути человѣка чрезъ пустыни духа и пр.. Слѣдуетъ далѣе въ драмѣ символическая сцена: народъ поднимаетъ Бранда на плечи и идетъ съ нимъ, оставивъ свои дома, на горныя высоты, — иначе говоря, выражаетъ готовность слѣдовать его идеаламъ. Но это увлеченіе было кратковременно. Въ горахъ скоро дали знать о себѣ естественныя нужды, а указываемыя Брандомъ цѣли были еще далеки, и разочарованный народъ, вчерашъ прославлявшій Бранда, сегодня въ озлобленіи и ожесточеніи, побиваетъ его камнями. Переходъ отъ высотъ идеализма до будничной прозы въ толпѣ совершается очень быстро, и какъ бы въ поруганіе надъ Брандомъ она съѣхитъ съ него горѣ къ фіорду ловить сельдей, которыхъ по слухамъ въ немъ показалось очень много. Подлинно-ли, что „не единымъ хлѣбомъ будетъ живъ челоѣкъ“?...

Послѣ того Брандъ остается въ порахъ совершенно одинъ, — израненный въ крови, но все еще твердый духомъ. Ему является здѣсь искусительный призракъ его умершей Агнесъ и говоритъ, что онъ ошибался въ жизни: его погубилъ ложный девизъ: „все или ничего“. Но могучій Брандъ несокрушимъ: „вновь — говоритъ онъ — хочу моимъ придать завѣтнымъ думамъ сущность; вновь начну одыть, — свободно, смѣло, хотя и безъ надежды на успѣхъ; я страдаю не въ ожиданіи награды и не для себя ишу въ бою побѣды“. „Такъ умри-жъ; — такихъ, какъ ты, не нужно міру“. — говоритъ ему призракъ и исчезаетъ. Призракъ этотъ Брандъ называетъ послѣ „гнѣемъ компромисса“, т. е. приниженія идеаловъ

до будничной прозы, — тѣмъ самымъ зломъ, съ которымъ онъ боролся всю жизнь и остался побѣдителемъ. Ту же побѣду надъ „компромиссомъ“ авторъ поясняетъ и на другомъ символическомъ образѣ. — Послѣ исчезнушаго призрака Бранду явится бродившая въ горахъ безумная дѣвушка Гердъ. Она одержима безумной идеей убить ястреба, который, по ея мнѣнію, есть теній мірового зла; и она всюду гонится за нимъ. Гердъ являлась Бранду въ началѣ его служенія, является и теперь. Но теперь она съ ружьемъ, и вотъ, подкарауливъ удачно злого коршуна, она убиваетъ его. Когда коршунъ, или — говоря иначе — *компромиссъ* убить, Гердъ восклицаетъ: „Теперь какъ будто даже выше небо и шире міръ“.

Бранду остается теперь только умереть, и онъ погибаетъ подъ рухнувшей снѣговой лавиной съ такими послѣдними словами на устахъ: „Отвѣтъ, Господь, въ послѣднее мгновеніе: избытка воли развѣ для спасенія недостаточно здѣсь среди земныхъ тревогъ?“ — Въ отвѣтъ слышится откуда-то искуcительный голосъ: „Онъ, т. е. Богъ — Богъ милосердія“.

Что же? побѣжденъ ли Брандъ? Нѣтъ! Онъ хотя погибъ, но погибъ побѣдителемъ. „Со временемъ отчетливо поймутъ, что имѣть побѣды выше пораженія“, — говорилъ прежде о себѣ Брандъ, предчувствуя свою гибель. И эту побѣду онъ ясно сознавалъ умирая. Въ этомъ онъ не ошибался. Онъ только недоумѣвалъ: неужели для успѣха мало одного „преизбытка воли въ героѣ“? Да, этого мало! На помощь избытку геройской воли должно прійти время. Нравственное пересозданіе людей не можетъ совершиться очень скоро. Не одинъ Брандъ, а нѣсколько Брандовъ, одинъ за другимъ, должны смѣнить другъ друга и погибнуть, и на костяхъ ихъ, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ встанетъ новое лучшее поколѣніе людей, способное объединить жизнь и служеніе Богу. Бранды погибаютъ, но чрезъ нихъ крѣпнеть вѣра въ человѣка, въ его силы и проясняется все болѣе и болѣе въ сознаніи великій смыслъ жизни, — именно, движеніе впередъ, одухотвореніе человѣка, какъ Сына Божія.

Только слабыя силами способны соблазниться о Брандѣ и пойти на компромиссъ, или прислустить ниже знамя высоко поднятаго человѣчествомъ идеала съ ярко начертаннымъ на немъ девизомъ: *побѣдить или умереть, но никогда не сдаваться*. Лучшіе же люди должны вѣровать въ лучшее будущее, какъ бы оно

ни казалось невѣроятнымъ въ смутномъ настоящемъ. Блаженіе вѣрующіе! Вѣруетъ и Ибсенъ, написавшій свою великую драматическую поему. И вѣру свою онъ подкрѣпляетъ пока мечтами, надеждами и посильной дѣятельностью для будущаго. „Мы, драматурги—пишетъ Ибсенъ—въ одномъ письмѣ, должны стремиться къ тому, чтобы, путемъ нашего творчества, улучшить существующій міровой порядокъ; я всегда стремился къ этому и буду стремиться по мѣрѣ своихъ силъ“. Такимъ образомъ, всѣ лучшіе люди своего времени должны быть строителями душъ человѣческихъ, перевоспитателями ихъ на лучшихъ идеальныхъ началахъ.—Вопросъ о духовномъ строительствѣ служитъ темою для новой драмы Ибсена „Строитель Сольнесъ“.

Драма „Строитель Сольнесъ“ вся цѣликомъ имѣетъ символическій характеръ, и по своимъ выводамъ нѣсколько пессимистична. Дѣло въ томъ, что не всѣ же лучшіе люди такіе могучіе богатыри, какъ Брандъ. Цѣльная, сплоченная, какъ гранитный утесъ, натура Бранда, рѣдкое исключеніе. Обыкновенные же строители жизни, при всей своей идеальности, не чужды слабостей, непозволяющихъ имъ подняться на *брандовскія высоты*. Въ жизни такая сложная путаница условий, что душевный разладъ, душевная расколотовъ интеллигентнаго человѣка—явленіе обычное. Часто развитіе изощряетъ сознаніе, но обезсиливаетъ волю; большее знаніе только умножаетъ печаль. Сознавая ясно высокій идеалъ, развитой человѣкъ съ горечью сознаетъ свое безсиліе осуществить его. Строитель Сольнесъ счастливо поднимается въ высь на верхъ выстроенной имъ башни, уходящей въ небо, но удержаться на ней не можетъ: у него не хватаетъ силъ; и онъ падаетъ и разбивается на смерть.

Въ строительствѣ Сольнеса было нѣсколько періодовъ: въ первый періодъ онъ строитъ зданія на основѣ обычныхъ вѣрованій, традицій, это—постройки церквей и колоколенъ; во второй періодъ онъ строитъ зданія, не выходя изъ сферы прямыхъ и конкретныхъ нуждъ людей; это—постройка уютныхъ домовъ съ плоскими крышами; въ третій періодъ онъ вноситъ въ постройки идеальный элементъ,—надстроиваетъ на домахъ высокія башни; наконецъ, въ четвертый періодъ, Сольнесъ, неудовлетворенный сво-

имъ прежнимъ строительствомъ, рѣшается строить только воздушныя замки, но на каменномъ основаніи, т. е. созидать идеалы, согласныя съ дѣйствительностью. — Не трудно видѣть въ этихъ періодахъ строительства постепенность переживаемаго человѣкомъ духовнаго развитія: отъ традицій къ реальной дѣйствительности, и отъ послѣдней въ область идеаловъ, пока еще несуществующихъ, но по которымъ должно быть пересоздано въ будущемъ и нравственно обновлено все человѣчество. У строителя Сольнеса пока кружится голова и, поднявшись вверхъ, онъ съ необходимостью разбивается; т. е. иначе говоря, въ душахъ большинства даже лучшихъ нынѣшнихъ людей есть много вредныхъ пережитковъ отъ несовершеннаго прежняго, которые не позволяютъ идеаламъ упрочиться въ душѣ и гармонично объединиться съ нею.

Это—прежде всего больная совѣсть,— больная отъ грѣховъ прежней жизни и сбѣдающая волевою энергію въ борьбѣ за идеаль, доступный только той душѣ, которой присуще чувство полной невинности и нравственной свободы. Кромѣ того, перестраивая жизнь по намѣченнымъ идеаламъ, строитель иногда невольно разбиваетъ чужую жизнь, какъ это мы видѣли, напр., въ драмѣ „Дикая утка“. Прежнее міросозерцаніе строитель разрушаетъ, лишаетъ людей прежняго ихъ сравнительнаго покоя и уюта, но новое міросозерцаніе они принять неспособны. Старое потеряно, но новое не усвоено, и жизнь разбита. Похоже на то, какъ „людямъ, привыкшимъ къ темнотѣ, портятъ зрѣніе яркими факелами“ (Брандъ). Между тѣмъ эти разбитые люди—наши близкіе, друзья, родные; намъ ихъ жаль; отрѣшиться отъ сочувствія къ нимъ мы безсильны, хотя бы мы и признавали себя правыми, а ихъ заблуждающимися. Такого рода „больная“ совѣсть имѣется и у строителя Сольнеса. Онъ, напр., несправедливъ къ своимъ подчиненнымъ: изъ честолюбія злоупотребляетъ ихъ силами и не даетъ имъ свободы дѣйствій. А своимъ строительствомъ онъ разрушаетъ счастье жены. Его женѣ жилось прежде хорошо въ старомъ домѣ отцовскихъ воззрѣній. Затѣмъ домъ этотъ, представлявшій большой мрачный и безобразный лицикъ, сгорѣлъ; на его мѣсто Сольнесъ выстроилъ лучшій домъ въ новомъ стилѣ, создавшій ему славу. Но для жены съ потерей дома потеряно было ея здоровье, потеряны были ея дѣти, и она стала несчастна, т. е. разрушены были ея традиціи, міровоззрѣніе отцовъ, но къ новому міровоззрѣнію она еще не приспособилась. И Сольнесу

естественно жалъ ей, что является тормазомъ для успѣха его дальнѣйшаго строительства и источникомъ его душевныхъ страданій.

Идеальное строительство пока неосуществимо, по недостатку къ тому нужныхъ психологическихъ условій у большинства строителей, почему они и терпятъ крушенія, падая внизъ съ своихъ высотъ, какъ Сольнесъ. Въ качествѣ утѣшенія имъ остаются строить *воздушные замки на каменномъ основаніи*, т. е. только отдаваться идеальнымъ мечтамъ. Выводъ нессимистическій и отрицательный въ отношеніи къ личному счастью человѣка. Для счастья въ настоящихъ условіяхъ жизни нѣтъ еще прочныхъ основъ. Хотя большинство людей, препятствующее осуществленію идеаловъ,—жалкіе трусы и пошляки, недостойно носящіе званіе „человѣка“, однако нельзя же, слѣдуя къ идеалу, „перешагнуть“ чрезъ нихъ или столкнуть просто ихъ съ пути. Этого не позволить сдѣлать нынѣшняя культурная совѣсть*). Людей цѣльныхъ, идущихъ прямо и неуклонно къ поставленной идеальной цѣли, или людей, по выраженію Ибсена, „съ *крѣпкой коренастой совѣстью*“, онъ знаетъ больше въ прошломъ, чѣмъ въ настоящемъ,—въ лицѣ древнихъ „викинговъ“, любовно обрисовывая ихъ въ драмахъ: „Сѣверные богатыри“, „Борьба за престолъ“ и нѣк. др., хотя эти люди и далеки были отъ той гуманности и тонкой чувствительности, чѣмъ отличаемся мы.—Но время „коренастой“ совѣсти прошло, жизнь пошла иначе; она сложилась въ сторону развитія моральнаго чувства, въ сторону повышенія цѣнности жизни и счастья одного лица въ глазахъ другого, слѣдовательно, совѣсть изъ „коренастой“ стала „мягкой“. Древніе викинги съ легкимъ сердцемъ могли идти прямо къ своимъ цѣлямъ,—шли по окровавленнымъ трупамъ и враговъ и друзей, смотря спокойно на это, какъ на естественную подробность жизни. Теперь же такой способъ достиженія цѣлей, хоти бы и самыхъ идеальнѣйшихъ, невозможенъ: этого не допускаетъ воспитавшееся въ душѣ человѣческой чувство и сознаніе абсолютной цѣнности человѣческой личности. Ибсенъ жаждетъ цѣльнаго человѣка съ „*крѣпкой*“ неразвоенной совѣстью, но такого, какому

*) Идея эта развита у насъ въ романѣ Ф. Достоевскаго „Преступленіе и наказаніе“, гдѣ Раскольниковъ, ради своихъ высшихъ цѣлей, тоже хотѣлъ *перешагнуть*, какъ Наполеонъ или Магометъ, нравственные законы жизни.

посчастливилось бы свободно осуществить идеалы безъ *несовершеннаго поправа* чужой личности. Иначе, вмѣсто желаемого достиженія идеальной цѣли, получается еще дальнѣйшее уклоненіе отъ нея.

Къ этомъ отношеніи наглядное разрѣшеніе вопроса дается въ драмѣ „Росмерсхолмъ“.

Главное лицо драмы — Росмеръ, потомокъ стариннаго рода ставить задачей своей жизни просвѣтить и облагородить окружающее населеніе. Онъ хочетъ этимъ загладить вину своихъ предковъ, бывшихъ крѣпостниковъ, державшихъ это населеніе въ физическомъ подчиненіи и моральной приниженности. Въ дѣлѣ духовнаго освобожденія нравственно угнетенныхъ людей Росмера вдохновляетъ богато одаренная дѣвушка Ревекка Вестъ. Эта энтузіастка, человекъ съ „крѣпкой“ совѣстью, случайно поселяется въ домъ Росмера; но скоро въ ихъ взаимныя отношенія примѣшивается страстное чувство со стороны Ревекки къ Росмеру, приведшее къ трагической развязкѣ. Дѣло въ томъ, что Росмеръ женатъ. Жена его — человекъ добрый, прекрасный, но по своимъ дарованіямъ она не — пара Росмеру и служить для него тормазомъ въ его идеальныхъ начинаніяхъ. Ревекка это видитъ, и въ ея душѣ возникаетъ полусознательно желаніе устранить этого человека съ пути отъ Росмера. Стремясь къ своей цѣли, она постепенно доводитъ жену Росмера до сознанія, что она для мужа — тяжелая помѣха. Тогда жена его, какъ любящій человекъ, не находитъ для себя иного выхода, кромѣ самоубійства, и бросается въ воду съ мельничной запруды. Такимъ образомъ, для Росмера и Ревекки открывается широкая и безпрепятственная дорога и къ идеальной совмѣстной дѣятельности и къ личному обоюдному счастью, но ожиданія эти далеко не оправдываются; наоборотъ, Росмера и Ревекку ждетъ полное пораженіе, хотя въ ихъ отношеніяхъ не было ничего плотскаго, нечистаго, а отношенія эти имѣли характеръ духовнаго, идеальнаго дружества.

Разными путями Росмеръ узнаетъ о настоящей причинѣ смерти своей жены и приходитъ въ ужасъ. Прежде всего въ немъ исчезаетъ *радостное чувство невинности*, это необходимое по Ибсену условіе душевной цѣльности и успѣшной идеальной дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ Росмера покидаетъ и вѣра въ свою способность *перерождать* людей. „Я не могу, я не хочу — сознается онъ — проходить чрезъ жизнь съ трупомъ на спинѣ.... Ни-

когда больше не смогу и наслаждаться тѣмъ, что дѣлаетъ ощущение жизни столь дивно прекраснымъ... Ибо я уже не имѣю въ душѣ тихой, радостной свободы отъ вины... Если даже Ревекка, этотъ сравнительно лучший человѣкъ и близкій его другъ, не поддалась его облагораживающему вліянію и оказалась недостаточно тонкой, чтобы уважать права его покойной жены, то какъ онъ можетъ разсчитывать подчинить своему вліянію другихъ, стороннихъ ему, людей и заставить ихъ силою своего морального воздѣйствія перестроить свою жизнь на новыхъ, достойныхъ человѣческой личности, началахъ? „О,—воскликаетъ въ отчаяніи Росмеръ—я не вѣрю больше въ свою способность перерождать людей; не вѣрю больше въ самого себя—въ чемъ бы то ни было; не вѣрю ни въ себя, ни въ тебя, Ревекка... и я не вижу уже смысла жизни... послѣ жалкаго, постыднаго пораженія, которое я потерпѣлъ,—я, хотѣвшій повести свою жизненную миссію къ побѣдѣ“. И у Росмера зрѣетъ планъ покончить съ собой.

Тотъ же душевный кризисъ переживаетъ и Ревекка. Куда дѣвалась ея „безстрашная воля“ и „крѣпкая совѣсть“? „Теперь я сдѣлалась такой,—сознается она—что мое прошлое закрываетъ мнѣ двери къ счастью... ибо у меня нѣтъ свободы отъ вины, и откуда мнѣ взять ее?... *А вѣдь въ ней счастье и радость*... „Твое, Росмеръ, міросозерцаніе заразило мою, прежде безстрашную, волю... и сдѣлало ее больной; поработило ее закономъ, неизмѣннымъ прежде для меня значеніемъ; ты,—совмѣстная жизнь съ тобой—облагородило мою душу... обогородило, но убило счастье“... „Я теперь—заключаетъ она—подъ властью росмеровскаго міросозерцанія. Если я согрѣшила, я обязана свой грѣхъ искупить... Я должна теперь уйти прочь со сцены жизни... иначе я была бы отнынѣ точно морской тролль, цѣпляющийся за корабль, на которомъ ты долженъ нестись впередъ, и тормозящій его путь. Меня нужно выкинуть за бортъ... И моя смерть спасетъ лучшее въ тебѣ“.

Ревекка понимаетъ невозможность дальнѣйшей своей жизни какъ для себя, такъ и для Росмера, и своей смертью хочетъ доказать ему, что въ смерти его покойной жены она не видитъ для себя корысти, а своей смертью она желаетъ только самоотверженно снять съ его души тяжелое чувство вины и, возвратитъ ему вѣру въ свою жизненную задачу, вѣру въ способность обла-

гераживать людей"; она хочет показать ему, что теперь ей совесть говорить въ ней другимъ языкомъ, она мучить, терзаетъ ее; она гонить ее съ лица земли; а вѣдь въ этомъ и состоитъ задача Росмера нравственнаго обновленія людей; слѣдовательно, у Росмера есть дѣйствительно силы *перерождать* людей: это можетъ доказать добровольная смерть Ревекки. — Нравственный кризисъ, осложненный утратой вѣры въ общую задачу жизни, завелъ Росмера и Ревекку въ непроходимыя психологическія дебри и разрѣшился совмѣстнымъ ихъ самоубійствомъ.

Такимъ образомъ „больная“ или чуткая совесть является результатомъ привнесенія въ человѣческую жизнь высшаго начала, которое „заражаетъ“ совесть и дѣлаетъ ее „больной“ (чуткой), но вмѣстѣ съ тѣмъ это имѣетъ *облагораживающее* для души значеніе, что-то бесспорное и морально цѣнное. Таковы итоги духовной культуры современнаго человѣчества. Все это сознаетъ и высказываетъ Ревекка, — человѣкъ, имѣвшій прежде „крѣпкую“, „коренастую“ совесть. Стало быть, перенесеніе въ современную жизнь морали старыхъ викинговъ невозможно не только по объективнымъ, но и по субъективнымъ причинамъ; имѣвшія мѣсто въ ихъ жизни полу—звѣриныя отношенія людей другъ къ другу отошли, подъ вліяніемъ моральнаго прогресса, въ безвозвратную область преданій; и хотя вмѣстѣ съ тѣмъ люди утратили бывшую когда-то цѣльность личности, радость, бодрость и красоту жизни, но возвратъ къ прошлому нежелателенъ. Къ этимъ идеаламъ жизни современное *облагороженное* человѣчество должно подойти своимъ путемъ, а не воспроизвести опытъ своихъ звѣроподобныхъ предковъ (т. е. викинговъ). Пусть въ этомъ будетъ задача современнаго культурнаго человѣчества! Счастье, такимъ образомъ, въ будущемъ, а въ настоящемъ на долю *лучшихъ* людей выпадаетъ одно страданіе, и на этомъ страданіи лучшихъ людей давно уже обезпечивается благополучіе массы. Страданіе лучшихъ для разума стало залогомъ возможности общаго счастья и сдѣлалось первымъ членомъ символа вѣры современнаго міросозерцанія *).

*) Нельзя не отмѣтить въ этомъ послѣднемъ пунктѣ той разницы, которая существуетъ между Генрихомъ Ибсеномъ и Фридрихомъ Ницше, къ которому, повидимому, Ибсенъ близокъ. Правда между ними есть общее: тотъ и другой бичуютъ слабость, трусость, рабство въ личности и проповѣдуютъ свободу, могучую волю, цѣльность личности; но въ то время какъ Ницше, отвергая

Итакъ, поставленный Ибсеномъ вопросъ о „красотѣ“ личности и счастіи положительнаго разрѣшенія при настоящихъ современныхъ условіяхъ не получаетъ: въ самомъ дѣлѣ, масса или толпа состоитъ изъ трусливыхъ, слабовольныхъ, ведущихъ полуживотную жизнь рабовъ, а передовые культурные люди—или печальные неудачники съ „больной“ совѣстью или отвергаемые обществомъ „лишніе“ люди. Въ общемъ, подлинной, достойной чело­вѣка жизни, жизни въ полномъ смыслѣ слова *живой* нѣтъ; люди *мертвы* въ этомъ отношеніи. Они способны пока только сознать свою негодность и нравственную неспособность къ истинно-человѣческой жизни,—они пока только способны видѣть, что они нравственно мертвы, и содрогнуться въ ужасѣ за самихъ себя. Къ несчастію и это спасительное сознаніе приходитъ слишкомъ поздно, когда чело­вѣкъ успѣетъ уже растратить свои послѣднія моральныя силы и окажется въ этомъ отношеніи банкротомъ. Въдѣ молодость, обыкновенно богатая духовными задатками, слѣпа въ своихъ начинаніяхъ, нерасчетлива въ своихъ затратахъ и безумна въ своихъ дѣйствіяхъ. „Богъ создалъ чело­вѣка правымъ, но люди пускаются во многіе помыслы“ (Экл. VII, 29),—до тѣхъ поръ, пока не искалѣчаютъ своей духовной природы, и пока запоздалое отрезвленіе не подскажетъ имъ того, что они нравственно мертвы. И хочется невольно воскликнуть здѣсь: „ахъ, если бы молодость знала, да старость могла!“ Но увы! Позднее сознаніе не залѣчиваетъ раны, а только усугубляетъ страданія.

Послѣдняя идея развита Ибсеномъ въ его послѣдней по времени драмѣ подъ заглавіемъ: „Когда мы мертвые пробуждаемся“ (*). Драму эту самъ Ибсенъ назвалъ драматическимъ эпилогомъ въ отношеніи ко всѣмъ своимъ произведеніямъ „Пускаясь на раз-

моральные законы нынѣшней жизни, призываетъ чело­вѣка къ жизни чело­вѣка-звѣря, къ жизни, какую вели хотѣли бы тѣ же ибсеновскіе викинги, во имя цѣлости и красоты этой жизни,—Ибсенъ признаетъ абсолютную цѣнность законовъ моральной культуры и къ цѣльности и красотѣ жизни, какъ къ идеалу, приглашаетъ стремиться не помимо этихъ законовъ, а согласно съ ними; voltarъ же къ полувзвѣрской жизни, хотя и *цѣльной и красивой*, онъ находитъ психологически невозможнымъ и нежелательнымъ. Разсмотрѣнная нами драма Ибсена „Росмерсхольмъ“ слишкомъ въ этомъ отношеніи характерна.

*) Излагать здѣсь содержаніе этой драмы мы не находимъ нужнымъ. Интересующимся предлагаемъ обратиться къ самой драмѣ. Отъ себя скажемъ только, что и эта драма читается съ глубокимъ, захватывающимъ душу интересомъ.

ные помыслы", люди приходятъ въ концѣ, — говоритъ здѣсь Ибсенъ устами своихъ героевъ — къ горькому сознанию, что „они упустили сами то, что могло бы быть жизнью“... но къ сожалѣнію, это уже непоправимо: „и когда мы мертвые проснемся, то увидимъ, что мы никогда и не жили“ (истинно человѣчески).

Таково заключеніе Ибсена ко всѣмъ его психологическимъ изысканіямъ! Какъ много сказано, и какъ сильно и трагически звучитъ этотъ пессимистическій эпилогъ, подобно звучному, построенному въ минорномъ тонѣ, аккорду къ ранѣе разыгранной меланхолической музыкальной пьесѣ. Ибсенъ сказалъ, повидимому, все, что хотѣлъ, и его міросозерцаніе, какъ онъ самъ даетъ намъ право сказать чрезъ свой драматическій эпилогъ, вполне закончено.

Въ эпитаграфъ къ настоящему очерку мы поставили изреченіе о правомъ человѣкѣ. Такъ каковъ же правый человѣкъ по Ибсену? Правый или идеальный человѣкъ, это — цѣльная личность, свободная отъ противорѣчій между мыслями и чувствами съ одной стороны, и дѣйствіями, съ другой; но эта гармонія духа, эта истинная красота должна быть создана въ человѣкѣ не вопреки современнымъ нравственнымъ законамъ человѣческой природы, не помимо ихъ, а на основаніи ихъ и въ полномъ съ ними согласіи; и хотя до осуществленія человѣческаго идеала на этомъ, именно, нравственномъ основаніи еще далеко, но къ этому нужно стремиться, въ него вѣровать и въ томъ полагать цѣль духовной культуры человѣчества. Революціи въ области человѣческаго духа, — въ томъ смыслѣ, въ какомъ проповѣдуетъ ее Нитцше и его современные послѣдователи, быть не должно. Катастрофы и пертурбаціи противорѣчатъ законамъ міровой гармоніи, а постепенность, законмѣрность развитія, возникновеніе новаго въ генетической связи съ прежнимъ, есть общій законъ жизни какъ общеміровой, такъ и жизни человѣческаго духа.

1909 года 14 февраля.

Ник. Покровский.

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ: О св. Крестѣ и крестномъ знаменіи. Бесѣда православнаго въ домѣ старообрядцевъ. Иеромонахъ *Ома*. — Нравственное міросозерцаніе Генриха Ибсена. Ник. Покровский.

Редакторъ неоф. части Н. Троицкій.

Тула. 12 марта 1909 года. Дозволено цензурою.

Цензоръ священникъ Александръ Моисеевъ.

Типографія Е. И. Дружиной, въ Тулѣ.